

Энни Вилкс СДЕЛКА

18+

Энни Вилкс

Сделка

«Автор»

2023

Вилкс Э.

Сделка / Э. Вилкс — «Автор», 2023

Я - последний знаток разума на этом континенте. Меня должны казнить за то, кто я есть. Мой спаситель – влиятельный герцог, он хочет обладать моими душой и телом. Я была вынуждена дать клятву – я принадлежу ему. Его отец – могущественный бессмертный шепчущий. Он ворвался в мою жизнь и изменил ее. Сможем ли мы разорвать клятву и быть вместе? ... И ничто не вечно. Даже смерть. ___ В тексте: спасение, нерушимая клятва, магия, любовь отца и сына к одной девушке (противостояние), властный герой, принуждение, разница в возрасте, истинная любовь, нежность, беременность, элементы эротики. История может читаться отдельно. Книга, дающая более полное представление о мире – «Змеиный крест».

© Вилкс Э., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1.	5
2.	7
***	10
3.	12
4.	19
5.	24
6.	28
7.	31
8.	33
9.	36
10.	38
11.	42
12.	45
13.	49
14.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Энни Вилкс

Сделка

1.

Они считали, что я должна покаяться. Выходило, покаяться я должна за то, что родилась не здесь, а на далекой, богопротивной земле, и что с рождения унаследовала проклятие богов, как они это называли. Магию. Тот талант, что в родных мне Пурпурных землях Империи признавался великим благословением, здесь, в богобоязненном Пар-ооле, считался самым постыдным и грязным, отвратительнее, чем гнойные язвы, более неприличным, чем сношение с козами и разграбление могил.

Я сидела в клетке, которую они сковали задолго до моего рождения, в клетке, на полу которой побывало так много отчаявшихся иноземцев, что он покрылся слоем грязи их потных от ужаса и одуряющей пар-оольской жары тел. На потемневших досках застыла соль слез, в пористое податливое дерево впиталась кровь. Мне не хотелось касаться этой многолетней грязи, не хотелось вдыхать сладковато-металлический запах витающих в воздухе благовоний.

Я почти отчаялась. Но не оставила надежды – не потому, что у меня сохранились силы, а лишь служителям храма тысячи богов назло. Черные, как уголь, громадные, как горы, раздетые в багровые одежды, звенящие металлом, с широкими носами и пухлыми губами, со светящимися на темных лицах белками глаз – мои охранники были похожи на оживших идолов. Я пыталась говорить себе, что еще больше они напоминают мне карикатурные деревянные фигурки, хранившиеся у моей матери Дилланы. Фигурки, сгоревшие вместе с ней.

Они заставляли меня каяться на коленях.

Я елозила руками по отвратительному полу, молясь не занозить предплечья и не умереть следом от гниения крови. Я делала вид, что утираю слезы, и даже не поднимала на служителей храма глаз: это было мне не нужно. В их жестоких сердцах я, светлокожая, с вытянутыми глазами и светлыми волосами, не вызывала даже жалости. Я не была для них привлекательна, не заслуживала сочувствия. Когда вечерами я обмывалась выдержанной в розовой воде тканью, ни один из них не задерживал на мне взгляда. За их непроницаемыми лицами скрывались лишь раздражение, скука и священный религиозный пыл.

Их боги говорили им, что меня нужно казнить. Десять дней отвратительного существования в клетке должны были напоследок спасти мою душу, какой бы мерзкой я ни была, а значит, смыть с их рук мою кровь. Они поставили клетку в храм – какая насмешка! На меня равнодушно взирали глаза их дикарских божков, и когда солнце заходило, последние лучи его делали лица деревянных фигур похожими на чудовищ. Тяжелый запах сандала, ладана и еще каких-то не известных мне благовоний наполнял неподвижный воздух. Я не могла дышать, сладость будто залепляла мои горло и легкие.

Ночью меня тоже сторожили. Два стражника несли своеобразное послушание: охраняли клетки, и стоило мне заснуть, били своими палками по прутьям, чтобы я не смыкала глаз и, очевидно, продолжала неустанно каяться в том, что во мне открылся дар.

Я знала: мне не суждено выйти живой из этого ужасного места. Я не плакала и не молилась, а лишь отупело смотрела на пар-оольцев, проходящих в храм воззвать к богам и смеялась над их глупыми действиями: они думали об успехе торговли – и рассыпали перед идолами какой-то крупный красный горох, сбрызгивая его козлиной кровью; просили у своих богов-чудовищ излечения от болезни – и съедали какой-то похожий на инжир, но ужасный на вкус фрукт, не морщась и не проливая слез. Мне было жаль их, их всех: они просто не знали, что за пределами их огороженного артефактами мира существует другой, свободный мир.

Мой мир. Империя Рад. Пурпурная земля. Я видела сны о родных бескрайних холодных просторах – но после меня будили, и я снова оказывалась в кошмаре.

Появившиеся по истечении четвертого дня моих мучений люди сначала показались мне грезой. Это точно были не пар-оольцы: кожа их была совсем светлой, как и моя, и оделись они в плотные и тяжелые ткани, прохваченные узорами золотых волокон. Среди мрачных, как горящие угли, пар-оольцев эти люди выглядели посланниками Света: легкие, статные, златовласые, с тонкими аристократическими чертами. Я никогда не покидала родного края, но сразу поняла: это могли быть только жители Империи.

Деревянные колонны скрывали пришедших, но я не решалась подняться и тем более прильнуть к решетке: мои охранники тотчас отбросили бы меня обратно жалащими шестами, и еще день пульсирующая и сводящая с ума боль не дала бы мне двигаться. Я следила во все глаза снизу, боясь увериться в их существовании. Они не кланялись, только коротко и с любопытством оглядывались, стараясь не обращать внимания на мою клетку. Я могла слышать их мысли: им было не по себе, место навевало на них суеверный ужас, и они стремились покинуть его как можно быстрее. Связанные дипломатическим этикетом, гости топтались на месте, ожидая позволения, боясь оскорбить тех, с кем только что заключили договор. Язык прилип к небу, когда до меня дошло, что они думают на моем языке, и я все-таки подхватила и ткнулась в прутья, пытаюсь вымолвить хоть слово. «Помогите!» – писком застыло в сухом горле, и я ударила кулаками по клетке.

Немолодая женщина только глянула на меня – и прежде, чем я успела прокричать мольбу о спасении, вышла, высокомерно подняв подбородок, будто я причинила своим существованием неудобство лично ей. Остальные потянулись за ней, довольные быстрым избавлением от нудной процедуры. Ни один не решился встретиться со мной глазами: каждый хотел забыть, что вообще видел меня в чудовищном кровавом храме, в этой грубой клетке.

И только молодой и красивый мужчина чуть позади герцогини, приходившейся ему матерью, бросил на меня растерянный взгляд. Я почувствовала жалость в его сердце – и прильнула к прутьям всем телом за секунду до того, как на меня обрушился удар шеста.

«Помоги мне», – прошептала я незнакомцу прямо в мысли. Он вздрогнул и задержался, а затем облизал красные губы, выдохнул и шагнул через высокий порог.

Звонкий удар обрушился на прутья, отбрасывая меня прочь. Рука зажглась болью, и, баюкая ее, я упала на пол. Когда же подняла взгляд, мужчины уже не было.

2.

-Здравствуй! – родной язык, на котором не говорили пар-оольцы, выдернул меня из необычно долгого сна. – Ты меня слышишь?

Я подняла голову и села. Сколько я спала? Почему меня не будили?

Мужчина стоял у самой клетки и смотрел на меня. Его, казалось, совсем не смущала обстановка. Я огляделась – стражников не было.

Наверно, он прочел вопрос в моих глазах:

–Я их уговорил уйти на четверть часа. Даже эти дикари любят деньги и, конечно, благородное оправдание. – Он усмехнулся. – Ты меня понимаешь?

–Понимаю, – голос после четырех дней молчания слушался с трудом, но пугать незнакомца мысленной речью я не хотела. Мне очень, очень нужно было, чтобы он остался. – Кто вы?

–Меня зовут Дарис, – представился мужчина, садясь у клетки прямо на грязный пол. – Или Келлтор. У меня два имени: материнское и отцовское. Какое тебе больше нравится?

Он хотел мне понравиться. Я видела себя его глазами: разорванное платье, узкие белые бедра, которые он счел привлекательными, растрепанные волосы, почему-то показавшиеся ему трогательными. Он смотрел на меня так, будто я – сладость.

Это было очень, очень мерзко. Я хотела спрятаться, но в клетке укромных уголков, конечно, не было. Да и выбора тоже не оставалось – мужчина был единственным лучиком в этой тьме, моей единственной надеждой. Говоривший на родном языке, заинтересованный во мне земляк. Похоже, очень богатый, раз смог подкупить идейных стражников. Вероятно, весьма влиятельный, если сумел зайти в этот храм и выйти из него, а пар-оольцы уступали ему дорогу.

–Мне нравится имя Дарис, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал мягко. – Это имя подходит герою.

Я лихорадочно искала в его мыслях ответ: как убедить незнакомца помочь мне? Но они были полны какого-то юношеского задора, и под всей этой радостью от совершения запретного деяния свивалось кольцами сильное желание. Слово «герой» ему понравилось, и он оскалился:

–Благодарю. Это родовое имя. Моего деда звали так, и он был героем трехлетней войны. С Пар-оолом, – уточнил он игриво, как будто я, деревенщина, не знала о тех событиях. И тут же спохватился: – Как зовут тебя?

–Илиана.

Я назвала свое имя впервые на этой земле. С тех пор, как меня забрали в рабство, я звала себя Идж, не желая, чтобы захватившие меня дикари знали меня. Честно говоря, я мало понимала в артефакторике, которую они освоили так хорошо, но предполагала, что как и в ритуальной магии, которой учили меня родители, имя могло дать надо мной какую-нибудь власть.

–Илиана, – повторил Дарис, улыбаясь. – Почему ты в клетке? В чем твое преступление?

Ему казалось, что он говорил успокаивающе. На самом деле, его слова звучали похоже на лукавое уточнение, какое мог бы допустить дознаватель, приходя к жертве. Меня передернуло, но я послушно ответила, взвешивая каждое слово и говоря медленно, чтобы успеть отследить его реакцию на мои слова:

–Я родом из Пурпурных земель. Пар-оольцы сожгли нашу деревню, и мои родители, как и все остальные, погибли. Выживших женщин забрали в рабство. Я была среди них, пока пар-оольцы не узнали, что я... обладаю даром.

–В рабстве? – Мужчина как будто совсем не удивился моей ремарке про дар, а это могло значить только одно: он сталкивался с магией довольно часто. Это было мне на руку. Но следующий его вопрос выбил почву у меня из-под ног:

–И тебя насильовали?

Я сжала зубы:

–Нет. Мы не кажемся им привлекательными. Меня, как и других, хотели лишь выгодно продать.

–Значит, ты невинна?

Я встретила с ним глазами. Они были у него необыкновенно красивыми: зелеными, как сочные листья, растущие так далеко от этих жарких и бесплодных земель, и глубокими. И в них плескался заметный интерес. Прямо сейчас мужчина решал, стою ли я того, чтобы спасти, и даже если бы меня насильовали сотни мужчин, я бы все равно ответила:

–Да.

И я завесила лицо волосами. Меня трясло.

–Знаешь, кто я? – спросил Дарис, приближаясь к прутьям клетки.

Я мотнула головой, стараясь не смотреть на него. В его породистом, светлом, как луна, лице было что-то испорченное, капризное, неправильное. И я чувствовала гордость мужчины – он явно был из знати и сам считал себя очень важной персоной.

–Я – племянник желтого герцога. И сын одного из сильнейших шепчущих Империи, директора Приюта Тайного знания, слышала о таком?

Он ждал реакции. Я думала, что это жалко – гордиться своими важными родственниками, но наступила себе на горло и посмотрела на него, как мне казалось, восхищенно. Дарис мигом понял, что я играю, и скривился:

–Что с тобой?

–Мне очень больно, – соврала я, ругая себя за упущенный момент, когда могла бы заинтересовать его еще больше. – Очень. Они пытаются меня здесь, пока никто не видит.

Эти слова упали на благодатную почву: мой возможный спаситель вздохнул, и его сердце тронула жалость. Эта жалость даже заглушила недвусмысленный интерес.

–За что?

–Они хотят, чтобы я покаялась, – уже не врала я. – Страданиями я смою пятно со своей души. Они не дают мне спать. Моя казнь уже через неделю.

Он прислонился к клетке спиной.

–Тебя невозможно вытащить, ты знаешь?

Я молчала. Желтый герцог хотел загнать меня в угол, хотел прижать, чтобы я согласилась на все его условия. Но я и так была в углу, и так бы согласилась, поэтому мне только оставалось ждать, пока он озвучит их.

–Но я могу это сделать. Если хочешь.

Это было похоже на издевательство.

–Пожалуйста, – попросила я дрожащим голосом. – Я умру, если ты оставишь меня здесь. Пожалуйста.

Я ненавидела себя в этот момент, но все мое естество, желавшее жизни, рвалось удовлетворить любые просьбы в обмен на спасение.

–Я пока не уверен, что ты того стоишь, – задумчиво проговорил этот садист. Я уже знала, что он принял решение, но ему нравилось тянуть время. Помоги мне Свет, если этот мужчина получит надо мной какую-то власть! – Расскажи мне о себе. Пожалуйста.

Только сейчас через чуть спавшую пелену собственной ярости я почувствовала, что он и правда сочувствует мне и хочет узнать больше не забавы ради, а лишь чтобы понять меня лучше.

–Я родилась в Пурпурных землях, – повторила я. И к собственному удивлению, продолжил честно, практически не задумываясь: – Мои родители воспитали меня... в любви. Я ни в чем не нуждалась. Около трех лет назад у меня обнаружился дар, и отец предложил мне попробовать поступить в Приют. Но мы были бедны, и я не могла их оставить. Да и кто бы

принял меня в послушницы... Отец нашел мне книги по ритуальной магии, и мы с ним разбирали их. У меня хорошо получалось. Я тогда думала, что вся жизнь впереди.

Дарис не представлял себе страданий безымянных, это было очевидно. Но что-то дрогнуло в нем. Может быть, я ошиблась, и он не так испорчен властью и безнаказанностью?

– Я никогда не был в Пурпурных землях, – задумчиво протянул Дарис, снова прикикая к прутьям. Сейчас возбуждения в нем я не чувствовала, и это показалось мне и хорошим знаком, и плохим. – Я слышал, они неплохо защищены.

– Только не гавани, – объяснила я. – У Пар-оола очень сильный и маневренный флот. Они часто заходили к нам и брали все, не платя. Мы даже привыкли. Но в тот раз на кораблях пришли другие. Они узнали, что в гавани гостил один шепчущий... Искали его и все сожгли. Мои родители, – я вздохнула с усилием, вспоминая тот ужасный вечер, – сгорели заживо в одном из складов. Я тогда была не дома, а когда вернулась, меня схватили. Связали... – слова с трудом мне давались. – И потом я оказалась на таком странном корабле... Там держали живой товар. Я была товаром.

Дарис протянул руку через прутья, и я позволила ему прикоснуться к моим волосам. Моя история сильно тронула его, это было видно, даже если не заглядывать в его разум.

– Мне очень жаль, – искренне сказал он, глядя меня по голове. – Я слышал об этом пожаре. Сказали, что дома загорелись, потому что кто-то уронил лампу. Все жители это подтверждали.

– Замечательно, – хмыкнула я. – Я могла бы рассказать правду, если бы выбралась.

– И это бы привело к новой войне с Пар-оолом?

Я выразительно посмотрела на него. Но он не дрогнул, а лишь сощурил глаза.

– Не знаю, – соврала я. – Ты мне скажи. Ты ведь из знати и лучше разбираешься в этом.

Он вздохнул.

– Как они поняли, что ты шепчущая?

– Я помогла одной женщине, – призналась я. – Ее сыновей убили у нее на глазах, и она сходила с ума, драла себе зубами вены на руках. Я успокоила ее, и они поняли, что силак исходила от меня. Такого здесь не прощают.

Он помолчал.

– Если я не оставлю тебя здесь... – Я была готова, что Дарис назовет цену, но он будто очнулся: – Я не оставлю тебя здесь.

Снаружи послышался шум. Стражники возвращались, и их резкий, какой-то угловатый язык разрывал ночь.

Я схватила руку мужчины через прутья, и Дарис вздрогнул. Я чувствовала, что будто заряд тока прошел сквозь него, и что мое прикосновение ему было приятно. Мужчина дотронулся моей руки губами, и я испуганно отдернула ее, тут же пожалев об этом: он оскорбился. Но это не изменило его решения.

Он кивнул в сторону двери:

– Это смена. Сейчас я уйду, но вернусь завтра.

Я снова осталась одна.

Будто одного заключения было мало, служители храма под мерный вой ритуальных песен повесили на прутья моей клетки какой-то странный артефакт, от которого у меня постоянно болела голова. Виски пульсировали, и за этим непрекращающимся биением набата я не слышала больше ничьих мыслей. Вероятно, что артефакт должен был сломить мой дух: и собственные мысли путались. Наверно, святоши поняли, что я не искренна в своем покаянии, и решили меня заставить.

Я верила, кажется, во все, что мне говорили.

Когда давали еду и воду – я больше не отказывалась. Храмовники улыбались своими пухлогубыми ртами, показывая, что с вареной крупой все хорошо – и я верила и ела. Они выпускали меня из клетки, чтобы я могла справить нужду и омыться ароматной розовой водой, и я больше не пыталась убежать, а лишь послушно, как кукла, следовала их указаниям.

Они могли бы заставить меня сделать что угодно, но заставляли только каяться.

И я начала верить, что я – зло. Что все мои поступки и каждое доброе дело, что я совершила, используя по мере возможности свой дар – лишь испепеляющие чужие душу ошибки. Раньше думала, что спасаю тех, кто был в отчаянии – сейчас же понимала, сколько народу погубила своим «спасением». Больше я не делала вид, что плачу, а рыдала, понимая, что заслуживаю смерти.

Дарис спас меня еще не вытаскивая из клетки, хотя и не знал об этом. Он вернулся на следующий день и на следующий. Я больше не могла заглядывать в его разум, но мы разговаривали. И он смотрел на меня так, будто не замечал грязи и того, как измотана я была. Дарис обращался ко мне не как к недостойному животному, а как к попавшей в беду женщине, и на те краткие мгновения, что мы проводили вместе, я снова почти становилась собой. Рассказывала ему о своей жизни, а он говорил о своей. Мы были невероятно разными и опыт приобрели разный, и тем не менее я чувствовала в нем поддержку. Клетка охраняла меня: Дарис то и дело смотрел в мою сторону тем взглядом, которому, как я помнила, раньше сопутствовала похоть. Если бы между нами не было железа прутьев, он, я знаю, брал бы меня прямо перед мрачными ликами пар-оольских божеств.

Мне не казалось это диким. Я пыталась отделить действие артефакта от своих мыслей – но не могла. Чем больше Дарис говорил, тем больше я верила ему. Мне казалось, жуткое, пульсирующее в такт моему сердцу каменное кольцо тут ни при чем.

– Я вернусь за тобой, – в который раз пообещал он, ловя мою руку и принося к ней губами. – Я вытащу тебя, и ты снова будешь жить в гавани. Или в замке, как захочешь.

– Спасибо, – с усилием отвечала я.

Его влажные губы оставляли на моей коже холодную дорожку. Я силилась отобрать руку, но не могла.

– Дарис, – просила я его. – Пожалуйста, остановись.

– Ты же не против, – говорил он, оглаживая мои плечи, сжимая грудь. – Я же вижу. Ты даже не отходишь. Сама хочешь меня, хочешь быть со мной. Не прячешься больше, не дергаешься. Ты великолепна.

Я стонала и пыталась отвернуться, но Дарис принимал мой стон за что-то другое и продолжал, продолжал... Я стягивала платье, как он просил, я раздвигала ноги, повинуюсь ему, и Дарис гладил меня так, как не гладил никто до него.

– Не бойся, – успокаивал он меня. – Все хорошо. Теперь ты моя. Я не брошу тебя в беде.

Дарис уходил, и я обессиленно опускалась на пол.

Артефакт не прекращал сжиматься и разжиматься, как живое сердце, и мне было больно даже смотреть на него. Я знала, что это беспокойное в своей темноте живое кольцо заставляет меня быть послушной и соглашаться на все, чего хотел Дарис. Я ненавидела его, но в глубине души была ему даже благодарна: сама бы никогда не смогла... так привлечь мужчину. Его руки на моем теле пульсировали вместе с черным кольцом, я отдавалась им, теряя себя в мерзком, но отчетливом желании.

Я презирала себя – и вместе с тем хотела жить. Я была недостойным отребьем, богопротивным куском дерьма, но вместе с тем я казалась себе живой и нужной. Я могла принадлежать Дарису, желтому герцогу, могла исчезнуть вместе с ним и жить в настоящем замке. Могла бы отдать всю себя ему, кусочек за кусочком, каждый дюйм кожи и волос, если бы он сказал мне сделать это. Ему – и покаянию.

«Ты – моя».

Я понимала, Дарис не отпустит меня, и что стоит мне выйти из клетки, его объятия станут для меня новой клеткой. И я мечтала об этом дне.

Когда Дарис отправился обратно домой, пообещав напоследок вернуться и спасти меня, я поверила в его мощь.

3.

На небе не было ни облачка, солнце светило уже восьмой день, прогревая просыпающуюся землю, и тут и там сквозь черный наст пробивались первые ростки зелени. Директор Келлфер, закончивший последнее в своей жизни занятие с послушниками первого года, с удовольствием расположился в мягком кресле, так удачно привезенном ему знакомым торговцем из Пурпурных земель. Это место – огромная даже по его меркам двухэтажная библиотека, совмещенная с кабинетом, – нравилось ему все больше. Покои директора. Еще неделю назад он и не предполагал, что единственный на тот момент директор Приюта Тайного знания, почти все- сильный Син, предложит ему занять такой пост. Уникальная и неожиданная позиция: орден никогда раньше не управлялись двумя руководителями, и уж тем более получивший такую власть не рвался ее ни с кем делить. Но Син ломал общие правила, как сухие ветки: ему нужен был второй директор – и Келлфер им стал к своему собственному и окружающих удивлению. Син объяснил свой выбор просто: «Ты – самый умный из наставляющих, самый рациональный и обладающий наибольшим потенциалом. И самый сильный».

Любого бы на седьмое небо вознесла подобная похвала от старейшего из известных миру шепчущих. Келлфер же, как и было положено умному и рациональному человеку, насторожился. Однако кусок был слишком лакомым, чтобы отказываться от него, и когда Син в своей сухой манере объяснил Келлферу его новые функции, тот выдохнул с облегчением: заниматься политикой, не прерывать связь с другими государствами и тем более держать под контролем многочисленных выпускников вечно занятый Син просто не успевал. «И не хотел», – подсказывало Келлферу чутье. Он мог заменить Сина на этом поприще и, возможно, даже сделать что-то лучше, более прямым и действенным путем, чем те, которыми обычно шел старший директор. Обдумав вынесенное предложение, Келлфер заключил, что Син назначил своим соратником именно его потому, что готов был на многое закрыть глаза ради эффективности – но сам руки пачкать не желал. Келлфер же не считал грязью то, чего предпочитал не замечать Син: действенный метод не мог быть плохим.

У нового директора Приюта Тайного знания не имелось сомнений, справится ли он. Это было его место, самой судьбой созданная для него ниша, что теперь лишь стало очевидным.

Стоило Келлферу сделать глоток замечательного жареного чая, как в дверь уверенно постучали.

– Я очень рад тебя видеть, – улыбнулся Келлфер, обнимая входящего сына. – Я ждал тебя.

Келлтор обнимать в ответ не стал, даже отстранился, будто пережидая неприятный момент. Это укололо Келлфера. Скорее всего, дело снова было в матери Келлтора, Дариде Веронион, младшей дочери желтого герцога. Она и не скрывала, что настраивает сына против отца, просит его называться другим именем и не поддерживать с Келлфером никакой связи. С тех пор, как Келлфер отказался жениться на ней, беременной, Дарида возненавидела прежде любимого мужчину той отчаянной ненавистью, что рождается только из ужасающе всеобъемлющего обожания, и прививала эту ненависть сыну с материнским молоком.

Келлфер вспомнил, как яро растоптал ее чувства в тот день, когда она призналась ему в своем обмане, и это воспоминание как всегда удержало его от того, чтобы нанести Дариде весьма неприятный визит.

Она, несмотря на возраст сына, внимательно следила, не навещает ли он Приют. Легко отпускала свое выстрадавшее дитяtko на фронт, доверяла ему управление землями, на людях слушалась его мнения – но в этом не уступала. Эта мечущаяся женщина никогда бы не позволила сыну повидаться с отцом без ее разрешения и неусыпного контроля каждой поднятой в разговоре темы. Скорее всего, Келлтор пришел по ее наущению.

–Как твоя мать? – усмехнулся Келлфер. – Неужели тоже прибыла в Приют? Келлтор вздохнул.

–Нет. Только я. Она вообще не знает. Можно я войду?

–Конечно, – усмехнулся Келлфер, не скрывая удивления.

Юноша переступил через порог и обвел глазами покои, недавно ставшие Келлферу домом. Отец внимательно следил за сыном: тот рассматривал высокие стены, покрытые рунами, во все глаза, разве что рот не разинул. Хотелось бы сказать, что парень просто не привык к магической роскоши, но стоило признаться, что и сам Келлфер был поражен, увидев эти восхитительные залы.

–Вот так, значит, живут директора Приюта Тайного знания, – присвистнул Келлтор, подходя к массивному камину и беря с полки золотую статуэтку Тасской богини плодородия. – Тут, наверно, все очень дорогое. Мне мама сказала, ты теперь директор. Она говорит, ты так хочешь власти, что готов прислуживать кому угодно, даже таким, как Син. А что тут все такое серое? Или даже директорам нельзя делать стены цветными?

Статуэтка звякнула о камень.

–Келлтор, – устало проговорил Келлфер, садясь за стол из пепельного ясеня. – Ты взрослый парень, тебе уже тридцать девять. Думай своей головой. Приют существует не меньше тысячелетия. Думаешь, руководить им постыдно?

–А ты действительно теперь тут главный? Ты наравне с директором Сином или подчиняешься ему? Мама говорит...

–Келлтор, пожалуйста, прекрати начинать подобным образом каждую фразу. Это жалко. Юноша хмыкнул и отвернулся. Замечание отца явно задело его.

–Я не мыслю, как моя мать, – оскорбленно сказал он. – Мне видится правильным говорить о ней, когда я с тобой, чтобы ты ее вспомнил.

–Я помню Дариду, – примирительно сказал Келлфер. «И хотел бы забыть – да как получится, если она постоянно шлет письма, в которых ее до сих пор качает от проклятий до просьб навестить Желтые земли», – не добавил он, пощадив чувства сына. Келлтор сощурил глаза. – Ты достаточно хороший сын, ты меня устыдил. И мы можем поговорить о чем-то другом, не поминая ее через слово.

Келлтор некоторое время молчал, делая вид, что заинтересован корешками стоящих на полке книг. Келлфер не торопил его, вернувшись к чаепитию. Наконец, Келлтор заговорил:

–Почему Син решил, что ты достаточно силен, чтобы управлять самым могущественным орденом в мире? – недоверчиво протянул он. – Мама говорила, ты посредственный шепчущий.

Келлфер не стал отвечать. Не стоило тыкать парню в нос тем, из чего тот унаследовал лишь немного. К сожалению, выдающегося магического дара Келлтору не досталось, и хотя он был очень похож на отца внешне – те же густые пепельно-каштановые волосы крупными волнами, те же зеленые глаза, тот же узкий нос и высокие скулы, тот же мягкий ровный тон кожи – магическим потенциалом и, что уж скрывать, охочим до власти и вместе с тем нервным характером он куда больше напоминал Дариду. Выражение лица его говорило об избалованности. Келлфер не видел такого изгиба губ в зеркале, и ему не нравилась привычка сына морщить нос, когда ему возражали. Дарида обожала наследника и позволяла Келлтору все – и он вырос, уверенный, что весь мир принадлежит ему.

Келлфер знал, что сын неплохо проявлял себя в дипломатических стратегиях, что участвовал в одной крупной битве и получил награду за храбрость, что при возможности выкупал у Пар-оола рабов и возвращал их Империи на правах безымянных и что сам уже управлял небольшой провинцией на юге Желтых земель. Но несмотря на все его успехи и благородные порывы сердца, сызмала возвращенное в нем презрение ко всем вокруг, эта привычка смотреть на людей свысока выдавали портящее воспитание, навсегда заложившее в душе Келлтора качества, которыми, как считал Келлфер, обладать мужчине не стоило.

Дарида была готова отдать свою жизнь за Келлтора. Мать предоставляла ему все.

Но единственным, чего она никак не могла ему обеспечить, было умение шептать. Слабый дар, немного подрощенный частным учителем, самому Келлтору казался почти бесполезным. Сын делал ставку на светскую власть и деньги, а искусство шептать вслед за матерью считал не определяющей мир вокруг блажью. Он ошибался бы меньше, если бы хоть раз участвовал в войне, где среди слодат нашелся бы пусть даже один только маг, но к счастью всего континента и несчастью Келлтора, такие войны были чрезвычайно редки, поэтому даже крупные военачальники не всегда представляли себе силу одаренных, считая тех лишь слугами, создающими знатным именитым семьям комфортный быт. Собственно, Син поддерживал это разделение, раз за разом заставляя шепчущих давать обещание не участвовать в боевых действиях против обычных людей.

Келлфер хотел обучить сына в Приюте, чтобы хотя бы немного развить его талант, но Син был против: сил Келлтора не хватило бы даже для прохождения первого испытания, а возможности стать послушником Приюта ждали сотни по-настоящему способных учеников. Сину было все равно, относились ли будущие послушники к именитым семьям с фамилиями и титулами или же были безымянными, звавшимися только по имени отца или мужа и служащими своим господам. Титул Келлтора значения здесь не имел, и когда сын столкнулся с этой простой истиной, то пришел в ярость, хоть и утверждал до того, что не видит в обучении смысла. Не стоило удивляться, что и он, и его мать объявили упущенную возможность глупой тратой времени.

Масштаб доступного Келлферу парень представлял себе слабо. Син, могущественнейший из всех, кого когда-либо знал Келлфер, еще во времена послушания Келлфера звал того стремительным потоком, отмечая его быстрый и острый разум, высокий уровень концентрации и, казалось, безграничные силы. Мало кто мог сравниться с Келлфером в мощи и скорости разговоров, и он определенно был одним из сильнейших шепчущих Империи.

Но не стоило разочаровывать парня, не умевшего даже самостоятельно открыть портал. Келлфер вздохнул.

–Ты пришел поздравить меня с назначением? Слабо верю.

Келлтор обернулся к отцу. Кулаки его были сжаты.

–У меня к тебе просьба. И ты ее исполнишь, потому что должен мне.

Это выражение лица Келлтора раздражало.

–Сбавь тон, – беззлобно бросил ему Келлфер. – Не со слугой разговариваешь.

–Ты должен мне!

Нет, те три года, что Келлфер не видел сына, явно не пошли последнему на пользу. Келлфер снова было захотел заявиться в Солнечный замок, в котором доживала свой век Дарида, но остановил себя, вспомнив, как она угрожала покончить с собой, если он ее оставит.

–Неужели должен? Что же? Расскажи. Можешь прямо словами матери.

–Она мне рассказала, почему ты не женился на ней! – выпалил Келлтор, краснея.

–Только сейчас? – притворно удивился Келлфер. – Ну-ка послушаем.

–Ты соблазнил ее, а когда узнал, что она ждет ребенка, то отказался иметь с ней что-либо общее! Сказал, что она тебя недостойна! Сказал, что не хочешь детей от нее! Что ты женишься только на сильной шепчущей!

Келлтор бессильно замолк, продолжая сжимать кулаки. На лбу его проступила венка, брови сошлись на переносице, он тяжело дышал, и несколько прядей выбилось из высокого узла, в который были собраны его волосы.

–Келлтор, исполни мою скромную просьбу и подумай головой, – спокойно предложил Келлфер, делая последний глоток уже остывшего чая и отставляя чашку. – Если бы все обстояло так, это спровоцировало бы большой скандал, верно? Любимая дочь желтого герцога и

безымянный шепчущий. Что твой дядя говорил тебе об этом? Ты же не будешь отрицать, что герцог достаточно умен, чтобы принять достойное решение?

–Какое решение?

–Он просил меня сохранить жизнь твоей матери. Просил сохранить жизнь тебе – и я согласился. Знаешь, почему такая просьба стала уместной?

Келлтор с размаху опустился на скамью. Книги, лежавшие на другом ее конце, вздрогнули. Келлфер понимал, что сын рассчитывал совсем не на такой разговор. Он даже допускал, что другой человек отреагировал бы на слова своего отпрыска иначе и бросился бы его утешать, но нежных чувств поведение Келлтора, что бы ни было ему причиной, у него не вызвало, и желания пожалеть этого взрослого уже мужчину тоже.

–Почему?

–Потому что сорок лет назад, во время праздника, Дарида опоила меня, чтобы я принял ее приход за соблазнительный сон. Она хотела женить меня на себе и избрала для этого худший метод. Это – влияние на мою волю, враждебное действие, Келлтор. Но я не только оставил ее в живых, но еще и дал тебе свое имя, как бы тебя ни называла мать. Твой дядя благодарен мне. Он навещает меня не реже раза в сезон, и мы общаемся как хорошие приятели.

Келлфер не стал рассказывать, сколько практической пользы принесло ему столь близкое знакомство с желтым герцогом, одним из влиятельнейших правителей Империи. Конечно, герцогу Верне Верониону было далеко до белой и черной семей, и его армия не считалась настолько опасной, как войска Красных земель, но он был куда сильнее и могущественнее уже потерявшего власть серого герцога и куда могущественнее синей, коричневой и даже пурпурной семьи. Благодаря Верне, как и благодаря своему другу – черному герцогу – Келлфер расставил своих людей почти в каждом крупном замке Империи Рад.

–Вы дружите? – как-то обреченно сказал Келлтор. – Дядя Верне не говорил.

–Это все, что тебя волнует?

–Я не верю тебе, – упрямо сказал Келлтор, но в голосе его слышалось сомнение. – Маме незачем было хотеть тебя в мужья. И она не пошла бы на такую крайность.

–Спроси у нее или у Верне – мне все равно, – отозвался Келлфер, с неприязнью рассматривая недовольное лицо: сжатые ноздри и поджатые губы. – В любом случае, никаких твоих просьб я выполнять не обязан. Даже если бы ты был прав, и я бросил бы твою мать на сносках, у меня нет перед тобой долгов, Келлтор. Повзрослей. То, что в материнском доме за тобой ходил слуга, подающий тебе носовой платок, а теперь ты правишь куском земли и распоряжаешься тысячами жизней, не значит, что все, – Келлфер выделил голосом последнее слово, – вокруг будут плясать под твои песенки.

Келлтор оперся предплечьями на бедра и опустил голову вниз. Отцу он не отвечал. Поза его говорила сама за себя: наверняка, парень слышал что-то от своего герцога, еще от кого-то и сейчас складывал разрозненные сведения воедино. Келлфер знал, что сын не умеет просить прощения и что никогда не признает свою неправоту, поэтому спокойно ждал, пока Келлтор снова заговорит.

–Отец, – это обращение удивило Келлфера, – сколько я буду жить? Как шепчущие или как обычные люди? Мой наставник не может дать мне ответа. Он не видит признаков старения, но... Говорит, бывает по-разному.

Келлфер в который раз отметил, что учитель, подобранный Даридой, глуп и некомпетентен. Ничего странного: она долго искала шепчущего, не обучавшегося в Приюте, и то, что этот воспитанный на отголосках дичок оказался именно таким, было ожидаемо.

–Сколько захочешь, пока не убьют или не придет смерть еще от каких-то причин. И ты не состаришься, если говоришь об этом.

–Никогда? – поднял на него горящие глаза Келлтор.

Келлфер кивнул, отметив про себя, как легко парень соскользнул с темы отцовского долга.

–Так ты мне поможешь?

Келлфер подумал, стоит ли дожидаться от сына вежливо сформулированной просьбы, и решил остановиться на том, что есть:

–Рассказывай.

Келлтор вздохнул, решаясь, а потом встал и начал ходить туда-сюда по залу, резко разворачиваясь на каблуках. Он нервничал, что, впрочем, шло ему чуть больше, чем избалованно-обиженное выражение лица.

–Мы с мамой были в столице Пар-оола, Караанде. Несколько дней назад, – смущаясь, начал он наконец. – Там я познакомился с одной девушкой. – Келлтор шумно выдохнул. – Ее зовут Илиана. Она шепчущая, наверно. Я не уверен, но у нее точно есть дар. Ей что-то около тридцати лет, но выглядит Илиана намного моложе. Она в беде.

Келлфер устало прикрыл глаза рукой. Ну что ж, юношеские влюбленности были у всех.

–Она пар-оолка?

–Нет, – неожиданно улыбнулся Келлтор. – Точно наша.

–Так выкупи, как ты и делаешь обычно.

–Я не могу, – сокрушенно покачал головой Келлтор. – Они ее к казни приговорили.

Значит, дама в беде. Неужели его собственный сын покупается на такую банальность?

–И ты уже решил, что она – любовь всей твоей жизни?

–Ты смеешься надо мной!

–Нет, что ты. Продолжай.

–Ее держат в храме, в какой-то клетке. Там что-то написано. Надписи стерлись, не прочитать. Я спрашивал у местных, они отказываются отвечать. И артефакт какой-то висит – Илиана говорит, от него болит голова и приходится выполнять их приказы. Над ней издеваются, ее заставляют каяться в том, что у нее есть дар. Они настоящие дикари!

–Вы заключали с ними торговый союз?

–Да какая разница! – нетерпеливо воскликнул Келлтор. – Мы много с ней говорили, я никогда не встречал подобных девушек. Никогда. Она невероятная. Но таких, как она, там держат в клетках.

–Там было больше одного пленника? – Келлферу все меньше нравилась рассказанная сыном история. Вмешиваться в традиции Пар-оола, в их священное право карать нечестивых, было очень опасно и могло стоить Империи новой войны.

–Да, их там четверо, по одному на каждый придел храма. Им не дают общаться между собой. Хотя они бы и не смогли – остальные пар-оолцы, Илиана их не понимает. Потом стало трое. Я узнал, одного увели на казнь, потому что время для покаяния вышло.

–И ты хочешь освободить ее, пока не казнили? Что же тебе помешало?

Келлфер знал ответ на свой вопрос, но ему было интересно, насколько хорошо понимает последствия подобных стремлений сын.

–Что если я потребую освободить принадлежащую им и нарушившую их закон пленницу, то это будет иметь серьезные политические последствия. И если бы я сделал это, пока наша делегация жила в Караанде, то подозрения бы пали именно на нас, ведь ни один пар-оолец не пойдет против высшего закона. Нас всех бы казнили, а уже потом разбирались бы. Я не дурак.

–Именно, – удовлетворенно кивнул Келлфер. – И все же ты здесь.

–Да. Но я не могу просто оставить там кого-то из имперских! И у нее масса ценной информации, вот увидишь. Да и... теперь наши официально отбыли из Пар-оола, и никто не подумает, что мы бы решили вернуться и рискнуть по такому маловажному поводу. Я предлагаю ее выкрасть.

Келлфер подумал, что ослышался. Не мог же только что трезво рассуждавший сын быть таким идиотом. Он должен понимать, что случится, если – когда – его поймают на таком деянии.

–Выкрасть, – повторил Келлфер. – Ты не шутишь. Случайную женщину, которая тебе понравилась.

–Не говори о ней так! – прервал его Келлтор. – Я все понимаю. Сделать это нужно очень аккуратно. Она и я... Я люблю ее, а она любит меня. Я не могу оставить ее там.

–Тебе суждено заключить династический брак. Это тебе не романтическая новелла.

Келлтор отца будто не услышал:

–И кстати, она умеет читать мысли. Сама мне сказала. Станет послушницей, если ты ей поможешь, вам же нужны послушники? Мама говорит...

–Конечно, нужны, – приподнял брови Келлфер. – Тех, что стоят в очередь поколениями, нам мало.

Однако здесь директор лукавил. Дар воздействия на разум, который у дичков – не обученных магов – проявлялся обычно в озвученной сыном простой форме, был по-настоящему редким. Строго говоря, внимательно изучавший законы наследования Келлфер ни разу не встречал даже упоминаний о нем вне одной яркой магической династии, растворившейся в вечности задолго до его рождения. И в случае, если женщина, о которой говорил Келлтор, была каким-нибудь далеким потомком бастарда знаменитых пурпурных Оин Тулу, и в случае, если она – представительница какого-то иного обладающего этим даром рода, ею не стоило разбрасываться. И конечно, было бы правильным вернуть мага в лоно родной страны. И, как и предлагал сын, обучить.

–То есть ты не хочешь мне помогать? – вспыхнул Келлтор. – Ну конечно.

–Расскажи мне лучше, как ты понял, что она читает мысли.

Келлтор чуть приободрился.

–Илиана мне рассказала, что я думал во время нашей первой встречи! – И, будто не желая на этом останавливаться, Келлтор продолжил: – Она умоляла меня помочь, понимаешь? Мама говорит, у нас нет достаточно мощных порталных артефактов, чтобы переместиться прямо в Караанду. Мой учитель тайного языка утверждал, что в Приюте все есть, и отсюда можно отправиться куда угодно. Если ты директор, у тебя должен быть к ним доступ, верно? – Глаза Келлтора светились надеждой.

–Я должен поговорить с Сином. Посмотрим, что...

–Подожди, еще не сказал! – невежливо перебил Келлфера Келлтор. – У них же там есть временные окна, когда можно воспользоваться порталными проемами. Мама говорит, для безопасности. Одно сегодня до полуночи, а следующее – через неделю. Через неделю ее уже казнят, так что нужно...

–Ты хочешь идти сегодня?! – Келлфер встал и подошел к сыну вплотную. Ему хотелось дать этому взрослому мальчишке подзатыльник, да такой, чтобы в ушах звенело. Как можно было не спланировать такое дело, а заявиться за пол дня до истечения срока?!

–В ближайшие пару часов. Там же другое время, и их полночь наступает раньше нашей. – Келлтор встал и оказался с отцом лицом к лицу. Он был немного ниже, но смотрел будто бы сверху вниз. – Если ты откажешь мне, то обречешь мою любимую на смерть, и я никогда не прощу тебе этого. Отрекусь от твоего имени, и больше никогда не вспомню тебя. И я сделаю все, чтобы ты пожалел о своей трусости.

Келлфер взвесил все за и против. Ему хотелось верить, что решение продиктовано исключительно рациональными соображениями, но в глубине души директор знал: он решил помочь Келлтору потому, что тот был его единственным, пусть и таким не похожим на него сыном. И еще потому, что понимал: это поможет восстановить почти разорванную стараниями Дариды

связь. Сын будет благодарен, сын будет заинтересован, сын, возможно, даже отвернется от матери и – вдруг? – повзрослеет, женившись.

И в конце концов, директор Келлфер – один из сильнейших шепчущих Империи. Быстро, в течение пары часов, сходить в Пар-оол и вернуться не казалось слишком сложным.

–Хорошо.

4.

Два последних дня меня почти не будили, сохраняя мой покой. Как будто я могла спать! Осознание собственной ничтожности и греховности, ужас содеянного грызли мою и без того обреченную вечно замерзать в ледяном пекле душу. Когда я думала о том, скольким навредила, как запятнала себя, мне становилось тяжело дышать от рыданий. Тогда служители храма смотрели на меня со снисхождением, которого я не заслуживала.

Я вспоминала, как пятнадцать лет назад впервые обнимала только что ставшими сиротами детей, как пела им успокоительную песню, и как они, убаюканные мною, засыпали, и морщинки на их маленьких лбах разглаживались. Боль исчезала, повинуюсь мне, и во сне дети улыбались. Я держала близнецов на руках и была горда собой, а когда мой отец подошел ко мне, то передала невесомые тела ему – и сказала, что это я прогнала страдание. Что я умею развеивать боль, и значит, больше никто не должен страдать.

Ему стоило задушить меня в тот день! Тогда я бы не испачкала стольких невинных!

Десятки людей обращались ко мне за помощью за последние пару лет. Больные. Безумные. Потерявшие близких. Страдавшие от хворей, хоронившие супругов, лишившиеся смысла жизни, и особенно – по печальной традиции покинувшие в море детей. Я говорила с ними, успокаивала их разум, и они могли жить дальше. Эти люди приносили мне рыбу и молоко, ткани и даже нехитрые украшения. Я не отвергала их благодарности, чтобы не обесценить ее, но себе брала лишь самое необходимое, а остальное отдавала приютам и нашему лекарю. Считала, что поступаю благородно, что я – хороший человек, нашедший свое призвание.

Десятки загубленных душ! Я вспоминала их глаза. Раньше казавшиеся мне светящимися от радости долгожданного облегчения, эти глаза теперь сочились тьмой.

Кольцо на клетке все сжималось и разжималось. Биение его определяло и биение моего сердца, и пульс, болью колотивший виски, и даже дуновения воздуха, которые я ощущала кожей. Все подчинялось этому артефакту. Я с трудом находила силы напоминать себе, что намерения мои были чистыми, хоть и привели к ужасающим последствиям. Я пыталась схватиться за ту часть себя, что еще повиновалась мне, за тот кусочек Илианы, до которого не могло добраться проклятое и благословенное черное кольцо. Эту, смирившуюся, желавшую смерти, я продолжала про себя называть Идж. Идж брала верх почти постоянно, она хотела умереть, хотела быть наказанной, разорванной заживо.

Меня больше не охраняли. Подходило время моей казни, и служители храма знали, что я почти готова. Они могли бы оставить дверь клетки открытой и сказать мне, чтобы я оставалась внутри – и Идж бы оставалась. Илиана засыпала, воля перестала иметь значение. Только покаяние.

Дарис вернулся, как и обещал.

Всего за день до моего отхода в покой он возник на пороге храма как ни в чем не бывало. Была глубокая, глухая ночь. Сначала я подумала, что Дарис лишь мерещится мне: в часы темноты в святилище богов никого не пускали. Обычно через несколько часов после захода солнца верховный служитель кланялся деревянным идолам, омывал их лица маслом, зажигал перед ними пучки благовоний размером с небольшие кусты, и эти костры потом тлели всю ночь, пропитывая все – воздух, дерево, металл и плоть. Отблески углей заостряли блестящие от масла лица божеств, и я боялась смотреть на грубые алтари.

Сейчас же их неровный свет выхватил из темноты фигуру мужчины, такого же красивого, каким я его запомнила. Облачился он был намного проще: никакой золотой вышивки, белый

камзол сменило простое невзрачное одеяние, и светлым сапогам Дарис предпочел темные. Его раньше спадавшие за спину волосы теперь были завернуты петлей на затылке. Прямой узкий меч в простой кожаной перевязи дрожал на бедре.

В глубине, за отчаянием, все замерло от неожиданного и острого как этот клинок, счастья. Вернулся! Вернулся за мной! И тут же эту радость словно придавило могильной плитой: я обязана молчать. Быть может, в образе Дариса явился проверить мою искренность один из богов, и от того, как я поведу себя сейчас, зависит, чистой я уйду в покой или еще больше опозоренной. И все же я не могла перестать смотреть на Дариса и прислушиваться к каждому его движению.

Черное кольцо разрывало меня надвое. Это было невыносимо.

Дарис сделал несколько шагов внутрь и оглянулся, будто прислушиваясь. Я попыталась уловить, что его насторожило, и поняла: все вокруг медленно и очень гулко вибрировало толчками, будто сами стены подвергались мощным ударам.

–Я вернулся за тобой, – улыбнулся он и, кажется, подмигнул мне. В темноте сложно было разглядеть выражение его лица, лишь только зубы поблескивали. – Илиана?

Его голос был ниже обычного, словно им владело возбуждение. Я съезжилась на полу клетки и ответила, избегая его взгляда:

–Я должна покаяться и умереть. Я никуда не пойду.

–Что? – не поверил Дарис. – Это еще что? Ты же просила тебя вытащить?

Я хотела сказать ему про кольцо, владевшее моими мыслями и действиями, но не смогла вымолвить ни звука.

–Я выбираю покаяние и смерть, – упрямо повторила я со слезами на глазах. Внутри умирала надежда: если сейчас Дарис развернется и уйдет, другого спасения не будет. Мысленно я умоляла его понять, но он не мог меня слышать.

Дарис подошел к двери:

–Бред. Сейчас артефакторная защита рухнет, надо подождать. Все эти чертовы железяки выйдут из строя, и дверь откроется. Ты знала, что клетки тоже такие? Подожди немного.

Его рука нашарила мою в темноте и крепко сжала. Прикосновение его было горячим, приятным, обнадеживающим.

Вдруг стены содрогнулись сильнее прежнего, идола посыпались с постаментов, и я испуганно закрыла лицо руками. Дарис рассмеялся:

–Вот и все!

Я неверяще открыла глаза. Голова раскалывалась от боли, но мысли мои были чистыми как слезы. Я знала, кто я, почему я здесь, и больше не хотела умирать. Идж пропала как туман, оставив за собой горечь. Жгучая ненависть к тем, кто заставил меня потерять себя, окатила как огнем. Я вскочила, не помня усталости, не обращая внимания на затекшие ноги, и с силой схватилась за литые прутья клетки. В тот момент мне казалось, что я могу согнуть их голыми руками, так была зла.

Клетка внезапно раскрылась. Я даже не поняла, как это произошло, но железо будто разошлось под моими руками, и я провалилась вперед, прямо в объятия моего спасителя.

Дарис схватил меня так крепко, что я задохнулась. Начала рваться из его сильных рук, но они продолжали держать меня – без малейшей нежности, крепко. Я вспомнила, как представляла себе капкан объятий этого мужчины. На деле он оказался даже жестче.

–Все, все, – успокаивающе, срывающимся голосом шептал мне мой спаситель. – Я здесь. И мы уходим. Все хорошо.

–Я... – Я не знала, что сказать.

Дарис нашел своими губами мои губы. Это было грубо, неожиданно. Он даже больше кусал, чем целовал меня. Я попыталась сжать губы, чтобы не дать его языку проникнуть в мой рот, но не успела. У его губ был вкус вина и какой-то сладости, а сам поцелуй получился таким

тяжелым, что мне показалось, он меня задушит. В каком-то животном порыве я попыталась оттолкнуть Дариса, и он поймал мои руки в одну свою и поднял их над головой. Когда же оторвался от меня, в глазах его горел безумный огонь.

–Ты должна дать мне клятву, – вдруг серьезно сказал мужчина. – Я очень рискую из-за тебя. Рискую не только собой, но всей Империей Рад. И не буду этого делать, если ты не отплатишь.

–Что? – выдавила я из себя. Неужели он воспользуется мной прямо здесь, сейчас? Неужели просто так посмеет... «И бросит обратно в клетку, – подсказал услужливо внутренний голос. – И никто даже не заметит. Может, он никуда и не отбывал, все это время просто ждал случая. Помнишь, как на тебя смотрел?»

Дарис не отпускал меня. Деревянные статуи наблюдали за нами, смеясь.

Я разве что не висела на сжатых им запястьях. Пальцы немели. Он разглядывал меня жадно, как зверь, и хищно улыбался. Полные губы его были раскрасневшимися от поцелуя, я видела это даже в неверном свете благовоний. Зубы влажно блестели. Мне казалось, он сейчас проведет другой своей рукой по телу, раздвинет мои колени одним рывком и заставит меня рухнуть на него, ворвется в мое тело, как нож разрезает мясо. Я чувствовала его возбуждение. Сейчас он заставит меня...

Рука и правда скользнула по телу, но к моему удивлению остановилась в районе пояса. Дарис чуть надавил мне на живот.

–Я так долго ждал возможности обнять тебя!

Обнять?! Это – объятия?! Я хотела что-то сказать, но лишь пискнула, презирая себя за слабость. Он рассмеялся, приняв этот звук за ответное возбуждение.

–Ты тоже меня ждала?

–Да, – выдавила я из себя. Мне стоило ему подыграть. Пусть только отпустит!..

Рука скользнула ниже, обвила бедро.

–Хочешь быть моей?

Я знала правильный ответ. Уже почти смирилась с тем, чем могу заплатить за свободу. И все же слова дались мне нелегко.

–Я хочу быть твоей.

–Поклянись мне.

–Не собираюсь! – выплюнула я Дарису в лицо прежде, чем успела себя остановить. И тут же похолодела от ужаса, понимая, что сейчас он швырнет меня обратно, а послезавтра придет смотреть на мою казнь.

Но мой ответ почему-то его не смутил. Его пальцы уже оказались под моей и так разорванной юбкой, и когда Дарис двинул ими выше, я попыталась сжать ноги. Вертелась всем телом, извивалась змеей, и все же он достиг своей цели.

–Сухая, – разочарованно выдохнул Дарис. – Тебе не нравится?

Я не понимала, что произошло. Улыбка его вдруг потухла, и он ослабил хватку. Я осела вниз, а Дарис подхватил меня, чтобы я не упала. Теперь он вел себя заботливо, и это здорово сбilo меня с толку. Я боялась поверить, что он не станет насиловать меня прямо здесь, и неуверенно взглянула на него – и против воли уперлась взглядом во внушительный бугор ниже пояса его брюк.

Что стоило делать?!

Я попыталась собрать мысли в кучу, но они разбегались. И я сказала то, что мне показалось достаточно милым и мотивирующим, чтобы он все еще хотел забрать меня с собой:

–Не сейчас. Не могу. Мне нужно хотя бы помыться.

Я не стала говорить, что омовения в храме, как и другие очищающие процедуры, были ежедневными, что меня даже натирали сандалом, чтобы не оскорбить моей грязью чистоту богов. Мне просто больше ничего не пришло в голову, я не могла не думать о том, насколько

он возбужден и разочарован, и решила, что перспектива слиться с пахнущим телом должна его здорово остудить. Но Дарис покачал головой:

–Я бы и не стал, если ты не хочешь. Не делай из меня насильника. Я был уверен, что тебе так же хорошо, как и тогда.

Тогда? Это когда артефакт разжижал мне мозги?

–Я не могу сейчас, – повторила я. – Пожалуйста, уведи меня отсюда.

Я надеялась, что Дарис свяжет эти две фразы и сам построит для себя привлекательную картину нашего будущего взаимодействия, раз уж ему так хотелось сделать это прямо здесь. Но он прижал меня к клетке.

Прочсть его мыслей я не могла. Голова гудела как колокол, в который ударили.

–Поклянись мне быть моей. Я люблю тебя.

Вот здесь точно был правильный ответ!

–И я люблю тебя, – выжала я из себя очередную ложь и удивилась, как достоверно это прозвучало. – Я очень ждала тебя. Была уверена, что ты меня спасешь. Пожалуйста, увези меня из этого ужасного Пар-оола, и я буду с тобой.

–Поклянись быть моей, – упрямо повторил Дарис.

Я подняла на него глаза. Его взгляд был больным, безумным и вместе с тем на удивление нежным.

Что такое клятва? Всего лишь слова.

–Я буду твоей.

–Подожди, – вдруг прижал к моим губам палец Дарис. Он достал из-за пояса нож и невесомо скользнул им по моей руке – я даже не почувствовала, как небольшая царапинка на ладони наполнилась кровью. Он порезал и свою ладонь и переплел свои сильные пальцы с моими. – Вот так, я читал, что магическая помолвка выглядит именно так.

Я с сомнением посмотрела на наши соединенные руки. На кону стояла моя жизнь, моя свобода и мой разум – я больше никому бы не дала так извращаться над ним, как этим фанатикам с их ужасающим артефактом. Свобода, я верила, была совсем рядом.

–Я буду твоей.

–Телом и разумом.

–Да, – выдохнула я.

–Клянешься?

–К-клянусь, – чуть запнулась я.

Дарис наклонился ко мне и уже куда нежнее, чем раньше, поцеловал. Я не стала ему противиться, но и отвечать не стала, ожидая, пока его порыв иссякнет.

–Теперь мы связаны навсегда, Илиана, – выдохнул он мне в губы. – Ты моя. И я забираю тебя. Поцелуй меня.

Не понимая, зачем это делаю, я послушалась. Будто кто-то другой двигал моими губами, обвивал моим языком его язык. Меня душили слезы. Отодвинувшись, больше тянуться я к нему не стала, позволив себе начать содрогаться во всхлипах. Дарис обнял меня и утешал, будто забыв о том, как безжалостно только что сминал мою кожу и где еще недавно насильно меня касался. От него пахло совсем не как от всего вокруг – камином и фруктами, и я позволила себе прикрыть на миг глаза.

–Илиана, Илиана, – повторял Дарис, глядя мою спину. – Понимаю. Все, мы уходим, любимая. Уходим.

Не знаю, сколько я просидела там, в его объятиях. Но слезы высохли, и я подняла на него глаза – Дарис был совсем рядом, улыбался торжествующе. Я бы решила, что он – одна из потусторонних тварей, которых пар-оольцы принимали за божеств, если бы не знала, что он – желтый герцог. Я кивнула, показывая, что готова двигаться, и Дарис разжал руки.

Впервые за последний месяц я оказалась на свободе.

Я встала, еще не веря. Отошла от клетки. Осмотрелась: поваленные тем неожиданным толчком статуи валялись лицами вниз, но многие устояли и все также взирали на нас с многоярусных постаментов. Я подошла к самому алтарю и, повинувшись внезапному порыву, глянула вниз. За дымящими благовониями, в углублениях, находились чаши с огнем. Его было совсем немного, и чаш не получилось бы увидеть, если не пересекать красную линию на полу и не стоять у алтаря совсем вплотную, на что не имел права никто из прихожан храма. С неожиданной яростью я поняла, что то, что мне казалось отблесками тлеющего ладана или признаками нечеловеческих субстанций, тот свет, что превращал в ужасающе звероподобные лица фигур, на самом деле источал самый обыкновенный, пусть и хорошо спрятанный, огонь.

Я подняла длинную палку с тряпкой на конце, которую старший служитель использовал для смазывания ликов чем-то ритуальным и пахучим, и окунула ее конец в чашу. Огонь охватил промасленную холстину мгновенно, превращая ее в факел. Я начала тыкать горячей палкой в животы ужасных деревянных фигурок, радуясь, как ребенок, когда они занимались пламенем.

–Эй, прекрати! – попытался выхватить у меня мой нехитрый инструмент Дарис, но я увернулась. Теперь я била палкой по конусам, на которых стояли статуи. Я хотела разрушить здесь все! Растоптать каждое лицо, уничтожить это место, сравнять его с землей и плюнуть вверх.

–Останови ее.

Низкий и холодный голос, прозвучавший от двери, будто окатил меня ледяной водой, и, пользуясь моим замешательством, Дарис торжествующе вытащил из моих рук самодельный факел и откинул его прочь, а меня обхватил поперек пояса.

Обладатель голоса шагнул в световое пятно и что-то прошептал. Только занявшийся пожар, повинувшись его слову, мигом потух, погасли и огни в чаше, и даже благовония – стало совсем темно. За тот краткий миг, что мужчина был на виду, я лишь успела разглядеть выражение лица незнакомца: он смотрел на меня, чуть сощурившись, и губы его были плотно сжаты.

Никогда раньше я не видела творящихся заговоров. Что-то внутри меня ухнуло вниз, и по каждой клеточке моего тела растекся такой восторг, что я забыла и о Дарисе, и о недавних его поцелуях, и о проклятой клетке, и даже об артефакте.

5.

Служители культа тысячи богов оказались весьма опасными для тех, кто не умеет шептать. Бывавший в Пар-ооле только в юности и запомнивший его народ как плохо организованные разрозненные племена Келлфер не ожидал, что храм будет защищен не для вида, а по-настоящему: и артефактами, искажающими для шепчущих возможность направлять силовые потоки, и вооруженными зачарованным оружием крепкими воинами, которые явно не коротали время до старости, а считали свое назначение великой честью. Познакомившись с ними чуть ближе, Келлфер не понимал, как Келлтору удалось убедить этих фанатиков даже ненадолго оставить свои посты, и отдавал сыну должное: какими бы аргументами Келлтор ни пользовался, он сделал почти невозможное.

С тех пор, как Пар-оол объявил артефактологию не порождением зла, а божественным провидением, прошло всего триста пятьдесят лет, но этого времени хватило, чтобы в раскаленных и прежде бесплодных землях изменилось почти все. Из общины еле выживавших кучек людей, готовых перегрызть друг другу глотки ради воды и укрытия от солнца, Пар-оол превратился в единое, централизованно управляемое государство и сумел заставить считаться с собой. Он обзавелся масштабным флотом, занял соседние острова, обозначил и охранял свою границу по морю. Столица разрослась, зазеленела влажными кронами растущих теперь на красной глине высоких деревьев с крупными круглыми листьями, люди больше не умирали от жары и не искали пищи: всего имелось в избытке. Теперь пар-оольцы были спокойнее, сильнее, увереннее и агрессивнее к чужакам, от которых, как они считали, приходили одни беды. Караанда была наглухо закрыта от влияния извне – и амулетами, висящими на каждом воротах, и человеческой неприязнью и недоверием.

Но больше всего Келлфера удивило обилие магических предметов, какого он не видел даже в Приюте. Здесь они стали делом обычным и даже обязательным, пар-оольцы совсем не боялись, что те могут взорваться или причинить им еще какой-то вред: шепчущих, заговоры которых могли бы войти в конфликт с волнами действия амулетов, в Пар-ооле почти не осталось, а кто каким-то чудом выжил – точно не стал бы шептать. Подумать только, чуть ли не каждый нищий носил на себе хотя бы один простенький артефакт!

Поменялось все, кроме непримиримой и пронизывающей каждую сферу жизни религии, подчинявшей себе умы пар-оольцев с детства и владеющей их душами до самой смерти. Вера в тысячу богов определяла, как пар-оольцы одевались, ели, проводили свое время, как торговали, как умирали и как вступали в брак. Казалось, каждое решение, принятое в этих ранее бесплодных, а теперь богатых землях, проверялось на соответствие высшему закону.

Которому Келлтор самонадеянно решил бросить вызов.

Храмовый комплекс, поистине величественный, состоящий из десятков построек и глубоких, связанных с южными окраинами Караанды подземелий, был огорожен на совесть, за ним следили, и даже дикой собаке не удалось бы пробраться на его территорию незамеченной. Келлфер и Келлтор потеряли уйму времени, проникая внутрь через систему подземелий: пробивание новых проходов в сети тоннелей должно было остаться скрытым, а когда их все же найдут – не выглядящим как работа шепчущего. Нельзя было допустить, чтобы мотив незначительного происшествия показался пар-оольцам религиозным. Келлферу пришлось устроить несколько обвалов и оставить ложный след, ведущий к торговцам фатиумом, опасным наркотическим веществом, запрещенным повсеместно.

Келлтор, угрюмо следуя за отцом, при вскрытии каждого нового тоннеля напоминал тому, что время истекает, и Келлферу хотелось развернуться и уйти, но он сдерживал раздражение, продолжая путь. Оба понимали, что не успеют вернуться до закрытия окна: даже если

бы они нашли Илиану, на территории храма портал было не открыть, а возвращение к защитному периметру заняло бы никак не меньше трех четвертей часа. Келлфера злила недалёковидность Келлтора, соизволившего явиться в Приют вплотную к истечению срока закрытия окна и не рассчитавшего сложность поставленной задачи. Келлтора до ярости доводила неспешность просчитывающего каждый шаг Келлфера: он сжимал кулаки, раздувал ноздри, но молчал.

Когда наступила полночь, оба, не сговариваясь, замедлили шаг, остановились и посмотрели друг на друга. Келлтор развел руками, как бы говоря: «Ну что ж поделать, придется задержаться», и Келлфер отвернулся. Еще неделя в этом неприятном месте, наедине с сыном и его женщиной. Прекрасная перспектива.

Как был хорош изначальный план! Девчонке стоило просто сбежать, пользуясь неожиданно сломавшейся клеткой, а спустя пару дней ее труп обнаружили бы в подземельях. Его бы сожгли или закопали, не приглядываясь, и иллюзия спала бы уже глубоко под землей или в пламени, сквозь которое нельзя было бы заметить, как тело девушки превращается в мешок с песком. Казалось бы, проще простого. Если бы не стены, укрепленные так, что с ними мог сравниться разве что принадлежащий черному герцогу Обсидиановый замок, если бы не эти ловкие воины с сетями-амулетами, будто подготовленные ловить шепчущих, если бы не сын, сначала гордо вышедший навстречу служителю храма, а после потерявший всякую осторожность при виде своей возлюбленной и позволивший ей устроить пожар, если бы не сама девушка, упрямо заявившая, что должна спасти других пленников.

Илиану пришлось лишиться сознания, а после успокаивать разбушевавшегося Келлтора заверениями, что его возлюбленной этот сон не принесет ни боли, ни вреда. Их приходилось закрывать защитной маскирующей завесой, а при ее создании – учитывать поля действия артефактов. Вынужденный ни на миг не терять концентрации Келлфер придерживал детей и прощупывал путь впереди, стараясь не отвлекаться.

Девушка обвивала бледной рукой широкую шею сына и иногда чуть вздрагивала в магическом сне. Келлфер то и дело останавливался на ней взглядом – на белом пятне платья посреди вездесущей красной глины и мрачных, серых стен тоннелей. Его сын придерживал свою ношу аккуратно, как величайшую драгоценность, и отказывался идти быстро, чтобы случайно не уронить ее.

Келлферу не понравилось, что он увидел, когда ступил в западный придел храма и застал улыбавшегося в свете пламени сына, безучастно смотрящего, как Илиана громит алтарь. Было жалко наблюдать, как он следит за пленницей собачьими, обожающими глазами. Казалось, каждое движение Илианы возбуждало Келлтора, и Келлфер даже удивился, что не застал пару в куда более пикантном положении.

Похоже, девушка была куда более стойкой, чем беспомощная и бессловесная жертва, которую в таких красках описывал Келлтор, пробираясь за спиной отца по казавшимся бесконечными катакомбам. Сын был готов выполнить любой ее каприз, и, вполне вероятно, Илиана пользовалась этим.

Такой силы страсть Келлферу была не понятна.

– Отец, – прошептал ставший вдруг очень вежливым Келлтор. – С ней точно все в порядке? Она как-то...

– Помолчи, – оборвал его Келлфер, коротко оценив состояние девушки. Веки ее дрожали, лоб был влажным. – Все в порядке, она просто все еще спит. Прекрати тяжело дышать. Вас не должно быть видно и слышно. Заговор не глушит звуков и разрушится, если вы коснетесь его.

– А ты?

–А я, – вздохнул Келлфер, – создам иллюзию, что я – тот самый стражник, которому ты по глупости попался на пути.

–Ты же убил его, – почти неслышно сказал Келлтор. – Вытащил из тоннеля и испепелил... Я никогда не видел подобного. Все шепчущие так могут?

–Потому что он видел тебя, – раздраженно объяснил ему Келлфер, игнорируя глупые вопросы и продолжая следить за проходом. – Ждите меня здесь. Ни шагу. Очнется – заставь ее хотя бы молчать. Что бы ни случилось, не смейте выходить. Вас убьют или захватят быстрее, чем я приду на помощь.

–Я очень хорошо умею драться, – медленно сказал Келлтор.

–Не с ними, – отрезал Келлфер, готовясь. – Поверить не могу, что занимаюсь этим. Будто я снова столетний сопляк.

Вслед за звуком аккуратных скользящих шагов в конце подземного коридора показались двое – и оба, конечно, были с сетями. Один, более широкоплечий и высокий, держал руку с шестом позади себя, а второй, более сухой и поджарый, и оттого выглядящий более ловким, выставил обе руки перед собой, будто шел на ощупь. Их глаза обшаривали тоннель, и Келлфер нахмурился, представив, что среди многочисленных кулонов и бус, свисавших с их бычьих шей, могло оказаться что-нибудь действительно стоящее. Но завесы они не заметили, а когда большой споткнулся о камень, над ремнями его открытых сандалий показалась кровь.

Выглядящий сейчас для них как высокий чернокожий и разряженный в шелк цвета кармина мужчина, их собственный друг по вере, Келлфер вышел из-за поворота, легко придерживая тонкий, оплетенный травой и металлом деревянный шест. Он помедлил, мысленно сплетая такое непростое с учетом искажающих амулетов заклятие, которое должно было, если придется, задержать сеть, не приводя ее в негодность, и решительно двинулся служителям храма тысячи богов навстречу.

–Нечистая там? – спросили они на пар-оольском.

Келлфер знал язык, но отвечать посчитал глупым: пар-оольцы могли бы различить акцент. Поэтому он только отрицательно качнул головой, подпуская воинов ближе. Они переглянулись, одновременно поняв, что что-то не так, и это понравилось Келлферу: противники оказались не безмозглыми куклами, и сражение с ними должно было хотя бы немного его развлечь. Однако сначала следовало сделать одну действительную глупость.

Келлфер вздохнул – он не любил подобного театра, – и принялся рвать на себе увитые тканевыми лентами черные волосы, издавая рев, который старался сделать безумным и ужасающим. Судя по на секунду застывшим в замешательстве пар-оольцам, нужного эффекта он достиг. Отмерли они, правда, чрезвычайно быстро и, не сговариваясь, принялись окружать его, отпуская сети, еще раз подтвердив уже сделанное насчет них предположение. Служители были опытными воинами. Продолжая раздражать свое иллюзорное лицо, под всей этой жуткой кровавой маской Келлфер усмехнулся. Нечасто удавалось потренироваться с теми, чей стиль боя так отличался и от его собственного и от того, что использовался в Империи, где все привыкли к мечам и рапирам.

Краем глаза следя за поблескивающими в свете факелов сетями, Келлфер сделал последнее, что должно было окончательно убедить служителей храма в том, что их товарищ сошел с ума от порочной страсти к чужеземке: вытащил кусок столь непривычной для Пар-оола белой ткани и провел им по лицу, будто поклоняясь, и провыл на их языке так, чтобы огрехи произношения были не заметны:

–Ради тебя я приму смерть, любовь моя, а ты будешь жить!

И ринулся в бой.

Пар-оольцы в этот раз не показали удивления, а только лишь сделали вперед еще шаг, поднимая свое смехотворное внешне, но такое опасное на самом деле оружие: одного при-

косновения к поблескивающим в травяной обмотке металлическим бусинам было достаточно, чтобы вывести из строя сильного мужчину.

Сети взметнулись в воздух одновременно, Келлфер пригнулся и скользнул к стене, избегая встречи с ядовитыми волокнами и поддерживая над собой невидимое плетение заговора, который должен был задержать путы в случае, если пар-оолцы окажутся быстрее. Более крупный воин, уже обреченный Келлфером на смерть, ловко ударил из-под сети, и древко прошло совсем рядом со спиной шепчущего, взрезав воздушный щит. Келлфер сдал назад, разворачиваясь, но воин уже исчез, а другой, пользуясь инерцией движения соперника, выставил вперед руку с оружием. Келлфер с удовольствием ушел и от его атаки, оказался между служителями храма и тут же опустился вниз, улыбаясь: пар-оолцы, какими бы хорошими воинами они ни были, попались как дети, и сеть одного запуталась в оплетке шеста другого. Столкнувшиеся артефакты заискрились. Пользуясь той секундой, которую дало ему замешательство прикрывших глаза соперников, Келлфер легко прикоснулся шестом к бедру широкоплечего, и тот с криком рухнул наземь, хватаясь за место, откуда металлические бусины выхватили кусок черной как уголь кожи и шмат мяса, обнажая в кровавом месиве кость. Под его затихающий крик второй служитель метнулся к Келлферу под руку, оставляя путы, и замахнулся одновременно и шестом, и только что вытасненным из-за пояса кривым, как коготь, ножом.

Келлфер коротко ткнул обратной стороной шеста рядом с рукой, держащей нож, и воин инстинктивно отшатнулся, чем подставился под следующий, ломающий ему правое предплечье удар. Он не издал ни звука, сразу восстанавливая равновесие. Губы его были плотно сжаты, глаза горели огнем.

–Остановись, – потребовал он сквозь зубы. Измазанная в крови, покалеченная рука висела, как плеть. – Я не хочу убивать тебя. Ты болен грязью.

Интересно, что именно в Илиане он посчитал грязным?

Келлфер медленно поднял нож, а потом отшвырнул шест и переложил клинок в правую руку.

Воин пошел вперед аккуратно, будто приближаясь к дикому зверю, раскрытой ладонью вперед. Значит, спектакль имел достаточный успех. Теперь убийство второго стало излишним и даже неуместным. Сделав вид, что испугался, Келлфер бросился в тоннель у себя за спиной, мимо скрытого заговором Келлтора с его девчонкой.

Как он и предполагал, неглупый пар-оолец решил проследить за сошедшим с ума другом, больше не навлекая на себя нездорового гнева. Келлфер несколько раз останавливался, чтобы шедший по его следам воин успевал заметить, в какой проем бесконечных разветвленных ходов нырнул беглец. Он довел своего преследователя до самого выхода в город, пропустил вперед и, убедившись, что пар-оолец отправился осматривать трущобы, неспешно пошел назад путем, который знали только они с Келлтором.

6.

– Ты *что* сделал? – уточнил Келлфер, скидывая с себя остатки иллюзии.

– Я избавился от проблемы, – упрямо посмотрел ему в глаза Келлтор. – Как ты раньше. Он нас увидел. Его нельзя было оставлять в живых. Ты сделал то же с тем, первым.

– Нельзя было высовываться из-за завесы, – отчеканил Келлфер. – Я дал указания, и ты не выполнил их. Из-за этого, – он кивнул на раскинутое звездой тело пар-оольца, – нас будут искать. Учитывая, что мы вынуждены скрываться здесь неделю, это может быть критичным. Почему, ради Света и Тьмы, ты вылез?

Келлтор отвел глаза. Келлфер проследил за его взглядом: сын обеспокоенно смотрел на женщину, ставшую причиной всего творившегося здесь безумия. Илиана очнулась раньше времени и сидела, прислонившись спиной к стене. На мужчин она внимания не обращала. Келлферу показалось, что ее бьет дрожь. Подол, от которого он сам оторвал кусок белой ткани для глупого, но действенного представления, обнажал тонкие изящные лодыжки. Девушка была босой и на удивление чистой для того, кто провел в клетке почти десять дней. Он взгляделся в ее лицо: красивое, молодое, со слегка вздернутым тонким носом и пухлыми губами. Кожа ровная, ни морщинки и будто приглушенно светится. Келлтор был прав: если ей больше двадцати лет, она не может быть обычным человеком, и дар ее довольно силен.

Илиана будто в отчаянии запустила пальцы в длинные золотые волосы и убрала их от лица, с силой сжав у самой головы. Глаза ее были закрыты.

– Значит, это она вышла из-за завесы?

– Ты же не собираешься причинить ей вред? – взвился Келлтор. – Она ни в чем не виновата! Она просто пришла в себя, и я...

– Ладно, позже, – с досадой решил Келлфер. – Ты перерезал ему горло. Это никто не примет за случайность. Мне придется и его сжечь. Для этого тело нужно вытащить за пределы храмового комплекса: здесь такой серьезный заговор оставит след, по которому нас найдут. Так что у тебя есть неотложное дело: вынеси его наружу. Используй восточный ход, короткий, по северному я пустил живого охранника.

– Надо было и его убить!

– Ты так считаешь?

Келлфер даже не стал объяснять сыну, почему стоило оставить в живых того, кто мог бы объяснить произошедшее не следом влияния соседней страны, хрупкий мир с которой и так еле держался на взаимных уступках и настороженности, а греховным безумием одного из пропавших своих.

– За ним путь я закрыл, он не вернется. Если будешь волочь по земле, замети след. Как только окажешься снаружи, накинь на труп плащ и возвращайся. Твоя женщина пока уберет разведенную тобой грязь. *Вешеехеши*.

Плотный воздушный поток окутал шею мертвого, и кровь перестала течь.

– Ты ничего не заставишь ее делать! – блеснул глазами Келлтор. – Кровь можно просто засыпать.

– Мне все равно, кто из вас это сделает, – легко отступился Келлфер. Ему и самому не понравился образ того, как изможденная девушка в белом платье копается в мокрой глине.

Келлтор вдруг упрямо глянул на отца:

– Я его не поташу.

Келлфер знал этот взгляд: с ним парень еще в детстве отказывался убирать за собой разбросанные им в кабинете отца статуэтки и книги.

– Поташу сейчас же, Келлтор.

Девушка у стены пошевелилась, поджимая под себя ноги.

– Называй меня Дарисом, – снизив тон почти до шепота, потребовал Келлтор. – И не надо... показывать, будто ты главный.

Келлфер хмыкнул. Все было понятно: мальчишка не хотел падать в грязь лицом перед женщиной, которую считал любовью своей жизни. Что ж, удобно.

– Тогда слушайся, – так же шепотом ответил он. – И я не стану унижать тебя при твоей прекрасной даме. Можешь сделать вид, что это твое решение.

Келлтор сжал зубы. Он хотел что-то сказать, но передумал.

Келлфер с раздражением наблюдал, как Келлтор вернулся к Илиане и присел перед ней, как взял в свои руки ее тонкие кисти. Она дернулась, будто его прикосновение было ей неприятно, не стала смотреть сыну в лицо, закусила губу. Келлтор что-то шептал ей, но она не отвечала, только кивнула, когда Келлтор неохотно поднялся. Зло зыркнув за отца, он подхватил громадного пар-оольца под мышки.

Как только сын скрылся, девушка поднялась и легко, бесшумно подошла к Келлферу. Она остановилась в шаге от него и склонила голову.

– Спасибо, – тихо сказала она, без предисловий. – Я понимаю, что только благодаря вам мы живы и я на свободе. Спасибо.

– Ты еще не свободна, да и мы тоже, – ответил Келлфер, разглядывая светлую макушку. Девушка продолжала дрожать, и все еще не смела поднять глаз. – Зачем ты вышла из-за завесы?

– Мне пришлось, – твердо ответила девушка. – Ваш сын вынудил меня.

– Чем же? – сощурил глаза Келлфер, понимая, что уже знает ответ.

Илиана его не озвучила, вместо этого посмотрела, наконец, вверх, и Келлфер неожиданно для себя утонул в голубизне ее глубоких, как небо, и печальных, как дождь, глаз.

– Со всем уважением к вам, я думаю, что есть вещи, которые стоит оставить между мной и Дарисом. Мы заключили сделку, и он хочет, чтобы я выполнила свою часть, вот и все.

Сделку, значит, отметил Келлфер. С чего бы Келлтору, уверенному в себе и облаканному вниманием, заключать сделку с женщиной, какой бы красивой она ни была?

– И каковы условия?

Она смутилась.

– Он меня спас, а я выйду за него замуж.

– Сдается мне, сейчас он хочет не обвенчаться с тобой. Знаешь, Илиана, – вкрадчиво протянул Келлфер, – ты вызываешь у меня все больше вопросов, как и мой сын, внезапно с головой погрязший в необычайно сильной любви и потерявший всякую осторожность.

– Как вас зовут? – вдруг спросила она напрямую.

Келлфер усмехнулся.

– Келлфер.

– Вы герцог? – продолжила она. Келлфер приподнял брови, и девушка объяснила: – Я не знаю, как к вам обращаться, а Дарис сказал, что он из рода желтых герцогов.

– Из рода желтых герцогов его мать. Меня можешь называть по имени.

– Поняла, – кивнула девушка и отошла. – Я Илиана.

– Я знаю, – иронично заметил Келлфер. – Мне интересно другое: как знаток разума свернул мозги моему сыну и зачем он это сделал. Я слушаю тебя.

Девушка застыла и, кажется, перестала дышать. Келлфер мог поклясться, что сердце у нее колотится, как у запутавшейся в силке птички. Но лицо она удержала, только покраснела немного.

– Я могу доверять вам?

– Какой у тебя выбор?

– Вы правы, – неожиданно зло ответила Илиана, и вдруг Келлферу стало жалко ее. – У меня никакого выбора. Сначала у меня не было выбора, когда пар-оольцы сожгли заживо моих

родителей и убили чуть ли не всех, кого я знала. И не было выбора, когда меня связали и как животное бросили в загон с другими такими же рабами. Не было выбора, когда меня заперли в этой ужасной клетке, и когда мне приказывали выходить и мыться под пристальным взглядом этих... мужчин. У меня не было выбора, когда я сидела в ней, и ваш сын оказался единственным, кто меня пожалел и кто дал мне надежду на спасение. Потом у меня не было выбора, когда он потребовал от меня принести клятву принадлежать ему, и когда чуть не изнасиловал меня, и теперь, когда он запускает пальцы мне под юбку, у меня тоже выбора нет. И в разговоре с вами у меня нет выбора, ведь вы не поверите мне, что у меня не было ни умысла, ни возможности свернуть мозги вашему сыну, и я вынуждена просто оправдываться, надеясь, что вы меня пощадите, и когда Дарис вернется, он не найдет здесь еще и моего трупа.

– Хорошо говоришь, – заметил Келлфер, обходя девушку. Что-то в ней не давало ему покоя, тревожило глубоко свернувшееся внутри чувство, не поднимавшее голову долгие годы. – Значит, Келлтор, которого ты зовешь Дарисом, сам влюбился в тебя. Почему?

Илиана встретила его взгляд. В глазах ее читалось отчаяние.

– Я не знаю. Может быть, он просто любит женщин, попавших в беду. Может быть, его возбуждают такие вещи, и моя беспомощность ему по вкусу. Я... – Она запнулась.

– Не можешь прочитать мои мысли? – понимающе улыбнулся Келлфер. – Неуютно?

– Не могу, – ответила Илиана честно. – Почему?

Глубоко спрятанный под одеждой амулет, подаренный ему черным герцогом Даором Карионом, продолжал исправно защищать Келлфера, как и последние два десятка лет. Раньше он и не знал, что черный треугольник с мерцающей звездой по центру может не только остановить вторжение в память, но и закрыть разум от дара, подобного дару Илианы. Даор был действительно хорош в артефакторике, и даже это напичканное амулетами место не сбивало работы его творения.

– Придется нам говорить на равных, – поддел ее Келлфер. – Забытое чувство? Ты привыкла иметь преимущество.

Почему-то ее хотелось обвинить. Найти в ней изъян, изобличить ее подлые планы. Как-то понять, что она не стоила всех этих беспокойств, как не стоила того, чтобы задерживать на ней взгляд, и что ее нужно бросить здесь, и больше не видеть этих беспокойных синих глаз.

– Мое преимущество никогда не использовалось мной во зло, – не смутилась Илиана. – Я привыкла помогать людям. Вы обвиняете меня. Почему? Что я сделала вам? Недостаточно уважительно поблагодарила вас за помощь? Вы, как и ваш сын, предпочли бы, чтобы я расплатилась собой? Как я уже сказала, я принадлежу вашему сыну, и договаривайтесь с... – Голос ее дрогнул, и вдруг Келлфер осознал, что уверенность и дерзость, с которыми она набрасывалась на него, лишь показные, и ему стало стыдно. – Моим, очевидно, хозяином.

Илиана отвернулась, пряча льющиеся слезы, и замолкла. Келлфер видел, как она сдерживает всхлипы, как сжала в кулаки пальцы, как завесила лицо своими золотыми волосами, чтобы он не увидел, как ей плохо.

Келлфер хотел что-то сказать, как-то утешить Илиану, но тут услышал шаги Келлтора и опустил протянутую было руку.

7.

Вторые сутки мы скрывались в подземельях под храмом, крысами забираясь в самые неприметные их уголки. Келлфер с сыном часто что-то обсуждали, спорили, но меня Дарис всегда просил держаться в стороне и не вступать в принимаемые ими решения. Я кивала и отходила на несколько шагов, продолжая слушать его мысли. Дарис, казалось, ненавидел своего отца, но соглашался с ним, признавая его правоту, и за этой поверхностной неприязнью пряталось глубокое восхищение с глубокой же завистью. Из его мыслей я узнала, что Келлфер был властным и могущественным шепчущим, что – подумать только! – руководил Приютом Тайного знания, того самого ордена, поступить куда я не могла и мечтать. Келлфер, похоже, был рожден в безымянной семье и привык жить скромно, и хотя Дарис нередко пытался объяснить себе, что его ждет куда более свободная судьба, за магические возможности своего отца он был готов отдать половину всего, что ему принадлежало.

Я понимала его. Во многом другом – нет, но в этом – безусловно. Келлфер внушал трепет. Я видела, как играючи он расправлялся с теми, кто взял наш след, и с какой небрежностью создавал иллюзии: на моих глазах мешок с глиной превратился в копию моего изуродованного тела, не только внешне, но и на ощупь. Все давалось Келлферу легко. Мы рядом с ним были как беспомощные и несмышленные дети: казалось, он возился в нашей песочнице только потому, что жалел нас, зная, что мы пропадем без его участия.

Его мало волновали неудобства нашего вынужденного пристанища. Он невозмутимо уходил в город и приносил нам свечи, еду и воду, которые, как сам объяснил Дарису, не мог сотворить в стенах храма, не привлекая внимания.

– Чем меньше заговоров – тем меньше вероятность, что нас обнаружат, Келлтор, – говорил Келлфер сыну. – Шептать я буду только вне ходов.

– Я не верю, что ты не можешь вывести нас отсюда! – понижал голос Дарис, думая, что я его не слышу. – Придумай что-нибудь! Мы не можем сидеть в этих подземельях так долго!

– Вытащить – могу, – соглашался Келлфер, а затем кивал на меня: – Если мы будем вдвоем. У них есть ее кровь, и они обнаружат девушку в тот миг, как она переступит линию периметра.

– Это исключено!

– Вариант, в котором Пар-оол объявляет священный поход на Империю во имя правосудия – тоже исключен. Нам придется остаться здесь, пока не откроется следующее окно. Если так заботаешься о своей женщине, прекрати искать выход, которого нет. – Он никогда не называл меня по имени, разговаривая с сыном. – Выбираться ей имеет смысл только за миг до использования порталного окна.

– Я обещал ей покои замка, слуг и драгоценности, – почти шептал Дарис. – Не могу я сказать ей уютиться на каком-то тряпье целую неделю!

– Это лучше клетки и казни, – пожимал плечами Келлфер. – И это временно. Пока – ешьте и пейте, занимайте друг друга как хотите, но не мешайте мне просчитывать изменения заговоров в этом напичканном артефактами месте, а то нас всех поймут и посадят по клеткам.

Я была очень благодарна, и я благодарила Келлфера, а Дарис неизменно злился, хотя и старался этого не показывать. Почему-то мне было стыдно перед его отцом за то, как легко и с высокомерием Дарис принимал помощь, благодаря которой мы остались в живых и могли есть, пить и отдыхать, не боясь быть убитыми во сне.

Мне нравилось следить за Келлфером. Он не был похож на человека, по крайней мере, ни на одного из тех, кого я когда-либо знала. Даже когда просто сидел на свернутом ковре, прислонившись к стене спиной, было видно, что что-то с ним происходит, что он обдумывает

сложный вопрос, ищет решение какой-то задачи. Когда Келлфер изучал свитки, тоже купленные им на рынке, он улыбался одними уголками губ. Я так хотела прочесть его мысли в этот момент! Мне так хотелось узнать его лучше. В голове не укладывалось: директор Приюта Тайного знания – здесь, на расстоянии нескольких шагов от меня, дорабатывает таинственный магический язык. Его присутствие добавляло в происходящее ноту нереальности. Я пока не решалась отвлекать его, но, признаться, отчаянно искала повод заговорить с ним так, чтобы не раздражать Дариса – и, как назло, повод не находился.

Иногда Келлфер внимательно смотрел на меня, ничего не говоря, и я не выдерживала его взгляда – пряталась за обустройством нашего скудного быта: за готовкой добытого им для нас мяса, за уборкой грота, ставшего нам домом. Я организовала очаг, расстелила найденные нами на разрушенном подземном складе ковры, свалила тюки с тряпьем и пряными травами так, чтобы можно было спрятаться за них как за ширму или использовать для сидения, я выстирала в подземной реке тяжелые одеяла, отчистила до гладкости грубую глиняную посуду, расставила свечи в углах грота и подвесила подсвечники на цепях. Я все время делала вид, что занята. Это был повод избежать расспросов Келлфера и отвлечь внимание его сына от моего тела.

Дарис все время касался меня. Отец иногда окрикивал его, когда Дарис хватал меня слишком грубо и откровенно, и тогда он садился у моих ног, и облизывал свои горячие губы так, как мог бы облизать мои. Я старалась не слушать его мысли в тот момент: ему казалось, что одежды на мне слишком много, и что если бы отца не было рядом, я бы трепетно бросилась в объятия своего суженого. От сцен, разыгрывающихся в его воображении, у меня земля уходила из-под ног. Я искала глазами невозмутимого Келлфера – и жаркая рука похоти и ужаса ослабляла хватку.

Дарис практически не оставлял нас наедине. В его сознании бились мысли одна другой неприятнее: ему виделось, что Келлфер убивает меня или насилует, или что я бросаюсь к нему на шею с мольбой взять меня, пока его сын-неудачник отлучился. Это были нездоровые образы, для которых не имелось никаких оснований. Я бы сказала, что Дарис боялся нашего уединения со всем пылом теряющего голову юнца, вот только Дарис не был юнцом. Он был старше, опытнее и влиятельнее меня, и это его поведение никак не укладывалось в голове. Я допускала, что могла ему понравиться, и что он даже мог бы быть влюблен, но разве мог бы стать таким успешным человек столь слабый до противоположного пола?

Келлфер был прав: Дарис вел себя странно. Чем больше я узнавала его, чем больше слушала историй о многослойных политических играх, которые он рассказывал мне, чем чаще ловила на себе его странный, дикий, обожающий взгляд, тем лучше я понимала, что с ним что-то произошло. Не мог правитель из миролюбивых и солнечных Желтых земель быть таким! Он боялся, что я отведу от него взгляд и что перестану думать о нем, это делало его и жестоким ко мне, и жалким. Я убеждала себя, что он непростой человек со вздорным и тяжелым характером, жадный до любовных утех, но и это не могло объяснить всего.

Страшнее всего мне было самой себе признаться в том, что в словах Келлфера есть зерно истины. Это признание сплеталось в моих мыслях с так и не исчезнувшей идеей червоточины, мажущей окружающих невидимой грязью. Я просыпалась посреди ночи, и мне казалось, что я все еще в клетке, и мерный удушающий гул черного кольца дробит мой разум, как камень крошит стекло. Я собирала осколки, вглядывалась в темноту, видела в ней очертания обоих – и моего спасителя, которого я почти ненавидела, и его отца.

Я отчаянно желала поговорить с Келлфером, чтобы сбросить с себя этот груз и спросить совета, но ожидала, что он убьет меня – и не решалась.

8.

– Илиана, Илиана... – тягуче, тревожно пропел Дарис, накрывая мою спину собой. Я споласкивала в речке посуду после ужина и от неожиданности чуть не свалилась в воду, но он меня удержал. – Мы одни, наконец одни. Он сказал, его не будет всю ночь. Вся ночь – это так мало, Илиана, я не хочу терять ни мига!

Зачем Келлферу было уходить на всю ночь? Паника, накатившая на меня, разбилась о холод рационального объяснения: он может проводить время где-то еще, наложив на себя иллюзию, чего ж ему он сидеть в этих пропахших фатиумом и корицей подземельях? Неужели я ждала, что он и дальше будет появляться в самый нужный момент?

Я сделала усилие и вывернулась из цепких рук. Дарис отпустил меня с уверенностью сытого кота, приподнимающего лапу над полузадавленной мышкой. Пока я, громыхая, составляла тарелки друг в друга, он молчал, но стоило мне мазнуть по нему взглядом, я почувствовала его предвкушение. Не отступится, в этот раз не отступится, и не окажется рядом его отец, всегда обращавшийся к нему так вовремя! Вся ночь!

– У меня вот-вот начнутся регулы, – соврала я. – Сегодня должны прийти.

– Ну что ж... – дождавшись, пока я отставлю посуду, Дарис поднялся. Теперь он высился надо мной, загораживая свет оставленной за его спиной свечи. – Регулы – это кровь. Я не боюсь крови. – Он наступал, а я отходила спиной к реке, пока пятки не оказались на весу. – Кровь – это душа. И сила, как говорят шепчущие. Я попробую ее на вкус, Илиана. Вся твоя кровь тоже принадлежит мне.

Я уперлась ладонями в его грудь. Мышцы Дариса казались высеченными из дерева. Я пыталась не видеть мелькавших в его разуме образов. Было нечем дышать.

Я сделала рывок, пытаюсь юркнуть ему под руку, но Дарис легко перехватил меня за талию. Мои ноги оторвались от земли: Дарис держал меня одной рукой, и это совсем не доставляло ему неудобств. Я начала размахивать ногами, уже понимая, что проиграла. Меня душили слезы.

Перехватив меня поудобнее, будто держал какое-то животное, Дарис кивнул на расстеленный прямо поверх глины плащ. Когда он успел положить его там?

– Дарис, я не хочу, – все же решилась я. – Пожалуйста. Отпусти меня. Я не готова.

– Ты мне соврала, – выдохнул он мне в губы перед глубоким, жарким поцелуем. Его жесткий и скользкий язык заполнил мой рот так быстро, что я и пискнуть не успела. Когда мне уже казалось, что я потеряю сознание от нехватки воздуха, он дал мне вздохнуть. – Ты не невинна. Я понял еще в храме.

Я не знала, что сказать ему. Что бы я ни говорила, это лишь усиливало его желание. Он ждал, что я признаюсь в распутстве, чтобы заставить меня искупить этот грех перед ним, теперь владевшим мной. Дарис надеялся, что я буду отрицать, и тогда он войдет в меня с ликованием. Его заводили мои мольбы. Я упрямо сжала губы, надеясь, что Дарис хотя бы меня больше не поцелует.

– Не отрицаешь, – довольно улыбнулся он, раздирая лиф платья.

– Дарис, я не хочу, – повторила я жалобно. Я не знала, что делать. Немыслимым казалось оставаться в этом положении, и вместе с тем я понимала, что вырваться абсолютно невозможно.

– Ты принадлежишь мне, – вкрадчиво сказал Дарис. – Твое тело принадлежит мне. Мне надоело не пользоваться этим. Сейчас я хочу... Я приказываю... – Его рука по-хозяйски сдавила мою грудь. – Чтобы ты получала удовольствие от моих прикосновений, моя Илиана.

Проклятая клятва на крови работала!

Вдруг я поняла, что ниже живота от его уверенных действий разгорается настоящий пожар. Он смотрел мне в глаза, не отрываясь, будто пытаюсь выпить меня взглядом, а свободная его рука исследовала мое тело, проходила по бедрам, не касаясь, впрочем, того, что скрывалось между ними, гладила живот, поднималась вверх, снова и снова сжимала грудь.

– Дарис, пожалуйста, остановись, ради Света!.. Я не могу!

– Вздумала меня одурачить, – прошептал он. – Решила, что расплата не придет? За твою непокорность мне придется наказать тебя, Илиана, сейчас. И тебе это понравится, как нравилось отдаваться моим ласкам в храме. Я хочу, чтобы ты получала удовольствие, – повторил он громче. – Ты – моя!

И швырнул меня на плащ. Только сейчас я заметила, что совсем рядом со мной, в стене, торчат какие-то металлические кольца, похожие на причальные. Это открытие пронеслось волной страха и дрожи, и я чуть не заплакала.

Пока я пыталась встать, оглушенная падением, Дарис выдернул из-под тарелок узкую полосу ткани, служившую мне полотенцем, и раздался всплеск: что-то упало в реку. Он настиг меня на самом краю хода и неуловимым движением обвязал тканью мои руки выше ладоней, дернул за получившиеся концы назад так, что я снова потеряла равновесие и повалилась прямо в его объятия.

– Дарис, пожалуйста! – прошептала я, с силой удерживая в голове ускользавшую, неверную мысль о побеге. На ней было все сложнее сконцентрироваться, я почти не верила, что действительно хочу избежать его любви, хотя и знала, что он мне неприятен.

– Да, называй меня по имени, – улыбнулся он мне в губы.

Тяжело дыша, я забыла держать рот закрытым, и Дарис воспользовался этим, снова проникая в меня своим языком – только теперь это почему-то было приятно. Кожа моя горела и жаждала его прикосновений. Я пыталась ухватиться за воспоминание о клятве на крови, чтобы не терять себя, но и этот образ все тускнел и тускнел, стирался, оставляя меня наедине только с настоящим.

Дарис торжествующе выдохнул, чувствуя, что я подалась бедрами ему навстречу. Он сжал одной рукой мои связанные запястья и снова поднял меня на них, как тогда, когда я только вышла из клетки. Полотенце затянулось туго, до боли, и я вскрикнула.

– Ну-ну, – прошептал он успокаивающе, будто я была капризным ребенком. – Не надо. Так нужно. Куда удобнее, когда не мешают руки, правда? – И оглядел меня с ног до головы, задержавшись взглядом на уже не скрытой разорванным платьем оголенной груди. – Ты великолепна, Илиана.

Он продолжал ласкать меня. Не отдавая себе отчета, я заскулила.

Дарис навис надо мной, перебрасывая ткань через кольцо. Я уже даже не дернулась, просто надеясь, что все скоро закончится.

– И пусть ты не невинна, Илиана, я докажу тебе, что с этого момента ты принадлежишь только мне, – усмехнулся он, разводя коленом мои ноги в стороны.

Я пискнула, но ничего не сказала. Мне хотелось, чтобы он это сделал – и было невероятно стыдно за это желание, но стыд потонул в издаваемых мной же столах, когда Дарис приник к моему лону ртом. Уже теряя себя, я закричала из последних сил:

– Не хочу! Нет!

.

И Дарис исчез.

Мне резко стало холодно – и сразу же тепло, будто кто-то укутал меня в шелковую шерсть. Я распахнула глаза: Дарис стоял на коленях спиной ко мне, а над ним, сжимая его горло одной рукой, возвышался Келлфер. На меня он, к счастью, не смотрел. Я пошевелила кистями: они

были свободны, только саднили, а ткань лежала рядом. От шеи и до пояса я была увита каким-то слабо мерцающим и, главное, абсолютно непрозрачным материалом.

–Какого... – прохрипел Дарис, отчаянно пытаюсь освободиться.

–При мне насилия не будет! – отчеканил Келлфер. – Раскрой глаза: она же даже убежать не может! Или ты держишь себя в руках, ничтожество, или клянусь Светом, я лично посажу тебя в ту клетку, откуда ты ее достал, – сквозь зубы процедил он. Глаза Келлфера горели огнем, который испугал меня, и на секунду я поверила, что этот страшный человек почему-то способен и на такое жестокое наказание, и даже на большее.

Запястья ныли, низ живота продолжал пульсировать. Я собрала всю свою храбрость и, стараясь не смотреть на багрового от бессильной ярости Дариса, обратилась напрямую к его отцу:

–Келлфер, я думаю, Дарис не виноват. Не нужно!

Шепчущий отпустил сына, и тот мигом вскочил на ноги. На шее его краснели кровоподтеки.

Зеленые глаза Келлфера словно иглами впились в мое лицо. Некоторое время он только смотрел, не отвечая, а потом зло усмехнулся:

–Нам лучше поговорить наедине, я полагаю?

–Да! – с пылом ответила я, решив, что отступать некуда. Сейчас или никогда! Все равно в его глазах падать ниже уже некуда...

Я ощутила ревность Дариса, и когда он схватил меня за предплечье, прямо поверх ссадины от пут, я вскрикнула. Боль прокатилась по моему телу и почему-то снова отозвалась волной наслаждения. Тело получало удовольствие, как и велел мой хозяин.

Я отвернула от обоих мужчин лицо, надеясь, что они не заметили происходящего со мной.

–Отпусти ее, Дарис. – Келлфер впервые назвал сына этим именем, и Дарис, и я одинаково удивленно вскинули головы. – Или я тебя заставлю.

Дарис оскалился, показывая свои белоснежные, безупречно ровные зубы, и прошипел:

–Да ну? Как же? Ты не имеешь права вмешиваться в дела мои и того, что мне принадлежит. И потом, ты же не будешь здесь ше...

И он рухнул на землю, как подкошенный. Пальцы его скользнули по моей коже, царапнули ногти – я была свободна.

9.

Я остолбенело рассматривала руку, не решаясь поднять на Келлфера взора. Мне казалось, что он пылает, как охваченный пламенем лик пар-оольского божества.

– Была жена, стала уже вещью, – заметил он иронично. – Сдается мне, я знаю, о чем ты мне хочешь рассказать. Но сначала помойся, у тебя по ногам течет. – Его голос мог бы резать металл.

Я вспыхнула: и правда, влага ощущалась на внутренней стороне бедер, а подол был задран выше колен. Хорошо еще, если он не увидел чего-то выше. Какой стыд! Я натянула подол почти до щиколоток. Сердце рвалось, дыхание то ли замерло, то ли сбилось, я все никак не могла втянуть воздух.

Келлфер кивнул и неторопливо, не оборачиваясь, пошел к гроту.

Отмерев, я бросилась вверх по течению реки, не разбирая дороги. Мои шаги были такими громкими, что отдавались в пустоте тоннеля, и с каждым я бежала все быстрее и быстрее, почти спотыкаясь. Мысль о проклятой, предательской, развратной и такой неуместной жидкости, холодившей сейчас тонкую кожу между ногами, сводила меня с ума. Келлфер не понял, это не текло, это Дарис задел ноги, когда вытаскивал руку... Проклятие! Я бы никогда не смогла объяснить это Келлферу. Никогда.

Тусклая в темноте вода преградила мне путь, и я запнулась, как пришпоренная скаковая лошадь, чуть не покотившись вниз. Пульс набатом стучал где-то в ушах. Я сделала шаг к краю и с усилием опустила на колени. Вода была ледяной. Я поводила своей горячей рукой по поверхности, пропуская поток между пальцами.

Мне почему-то пришло в голову, что Келлфер, как и его сын, мог бы идти за мной, чтобы застать меня в таком положении, я даже обернулась, глядя в темноту: только у самой речки горели несколько уже почти растаявших свечей. Из черного проема никто не выходил, я не слышала шагов, не замечала отблесков. Как мне удалось не сломать себе ноги в этой крошечной черноте?

Келлфер не шел за мной. Конечно, не шел. Я злилась на себя, что предположила такую глупость. Я не была ему интересна.

Стояла тишина, вода текла неслышно, без брызг, и только свечи чадили и вздрагивали с тихим треском. Дарис остался лежать там, за поворотом, а Келлфер и вовсе, наверно, вернулся к очагу. Вдруг я поняла, что осталась по-настоящему одна, и тут же горячее, неизжитое возбуждение оглушило меня, подмяв и страх, и стыд.

Я набрала в ладонь ледяной воды и окатила себя между ног. И еще, и еще. Прикасаясь к себе там, где совсем недавно разжигал огонь Дарис, я скользнула чуть глубже, чем нужно – и все отозвалось острой, ничем не прикрытой сладостью. Я продолжала двигать пальцами в каком-то нездоровом исступлении, желая только, чтобы отец Дариса не видел меня такой – возбужденной, с пересохшими губами, ловящей даже болезненные касания, я хотела, чтобы этот пик неудовлетворения прошел, мысли очистились, чтобы я смогла думать о чем-то, кроме того, что со мной так и не случилось. Снова в моей памяти всплыли похожие на капкан объятия, и сладкая боль, и срывающееся дыхание моего будущего супруга. Я представила, как он насаживает меня на себя, удерживая за пояс, чтобы я не могла двинуться, и как смотрит на меня своими восхитительными зелеными глазами, полными огня. Эти глаза, рядом, на расстоянии ладони – все, что осталось во мраке моей фантазии, и когда я поняла, что они принадлежат другому человеку, то была вынуждена зажать рот рукой, чтобы не закричать в голос, достигая пика. Я продолжала конвульсивно сжиматься, насаживаясь на собственные пальцы – намного глубже, чем позволял себе вонзить в меня Дарис. Пытаясь прийти в себя и не желая

прекращать, я ущипнула тот бугорок над лоном, которого касался язык Дариса, и эта боль погрязла в наслаждении, лишь продлевая его.

Сколько я просидела там, зажав руку между ног, будто протряхиваемая разрядами молний? Кажется, я забыла, как дышать. «Келлфер, Келлфер, – повторяла я мысленно, будто это что-то меняло. – Почему, Свет, почему?» Произошедшее стало для меня ужасающим, неудобным, немислимим открытием, грязным и постыдным. Оно меняло все.

Надеюсь, Келлфер ничего не слышал? Надеюсь, он не понимает? Он не заметил?

Я принадлежала Дарису. Душой и телом, целиком. Он, безусловно, заберет меня, так какая же разница, чьи глаза я вижу на его лице? Я дала себе обещание, что Келлфер никогда не узнает об этом и, боясь промедлить больше, смыла следы своего позора, спустила юбку ниже и на дрожащих ногах вернулась в грот.

10.

Келлфер сидел у очага: Илиана сложила его из камней, притащенных Дарисом из заваленных тоннелей. Деревяшки тлели, отбрасывая блики на серые стены, но это умирающее пламя совсем не грело. Бушевавший в груди пожар ярости застилал все, но постепенно, вдох за вдохом, успокаивался, позволяя посмотреть на ситуацию более здраво.

«Не хочу! Нет!»

Ее искаженное мукой и наслаждением лицо отгиском впечаталось в его память. Разметавшиеся золотые волосы, связанные руки, кровоподтеки на груди и ногах – как же сильно нужно было сжать, чтобы оставить такие даже на тонкой коже! – и отчаянно, умоляюще искривленные полные губы, закрытые глаза. Кисти стиснуты в кулаки, и пальцы ног поджаты.

Бедная Илиана.

Келлфер остановил себя: почему он жалеет Илиану, эту змею, низведшую Келлтора – нет, уже Дариса – до уровня животного своим пагубным влиянием? Разве не должен он потребовать у Илианы, чтобы отпустила мальчишку, и так уже натворившего почти непоправимого? Разве не стоит ее после этого убить, чтобы больше никто не попался?

«Нет, – ответил себе Келлфер, ворочая палкой горящие угли. – Сначала я выслушаю ее. Ей здорово досталось. Она не заслужила смерти».

Интересно, она с самого начала понимала, что сделала с Дарисом? Или только сейчас, оказавшись зажата между землей и его телом, вдруг осознала, что ради шанса освободиться зашла слишком далеко?

Да и что такое «слишком далеко» для того, чья жизнь висит на волоске? Можно ли ее осудить?

Илиана. Полная противоречий, тихая, покорная и вместе с тем несгибаемая, ведущая какую-то свою тайную игру, имевшая над Дарисом огромную власть – и похоже, по-настоящему принадлежащая ему. Неужели сын догадался закрепить кровью ее клятву?

Ненавидящая его сына и попросившая за него, несмотря на свою ненависть. Не поднимающая на Келлфера глаз после их первого разговора. Теплая, стремящаяся организовать даже во временном и ужасающем их жилище настоящий уют. Надломленная, просыпающаяся по ночам от кошмаров.

Но что наиболее беспокоящее – необученный знаток разума. А значит, привыкшая к безумию и гору, но не умеющая справиться с ними.

–Я не поблагодарила вас за помощь, – прервал его размышления тихий голос. – Спасибо. На Дариса что-то нашло. Не нужно думать, что мы...

–Мне нет дела до того, что вы делаете, – отрезал Келлфер, убеждая больше себя, чем смущенно смотрящую себе под ноги Илиану. – Что ты хотела мне сказать?

–А Дарис точно спит? – спросила Илиана, присаживаясь напротив. Огонь выхватил из темноты ее бледное лицо и позолотил длинные локоны. – Я не думаю, что ему стоит меня слышать.

Она тяжело дышала. Боялась.

–Он проснется через пару часов.

–Хорошо. – Илиана замолчала, теребя край созданного им полотна. – Я не знаю, с чего начать, – призналась она наконец.

–С того, на чем мы остановились в прошлый раз. Как ты свернула мозги моему сыну.

–Я же говорила, я не пыталась ничего сделать, – подняла она на Келлфера глаза. В слезах ее зрачки казались громадными. – Клянусь вам. Я готова поклясться так, как пожелаете, чтобы вы поверили.

–Не достаточно тебе клясть? – беззлобно усмехнулся Келлфер.

Илиана зарделась.

– Это же другая клятва.

– Да, но почему ты решила, что я не воспользуюсь этим? О клятвах мне известно больше, чем Дарису.

– Вы лучше.

– Ты так думаешь. – Келлферу понравилось, что на лице Илианы не отразилось сомнения. – Ты хочешь стать его женой?

– Нет, – мотнула она головой. – Я никогда не хотела. Но быть чьей-то женой лучше, чем быть мертвой. Я же всегда могу развестись.

– Ты потрясающе необразована во всем, что касается магии. – Келлфер не спрашивал. – Какую клятву ты дала? Точно. Или я не смогу помочь тебе.

– А вы хотите мне помочь? – в ее голосе прозвучала робкая надежда. Вдруг Илиану захотелось обнять, крепко, чтобы она почувствовала себя защищенной, а не находящейся среди врагов. – Я же могла случайно навредить вашему сыну. Вы не ненавидите меня?

Сказала – и зажмурилась, ожидая удара. Действительно, почему ненависть не сжигает его сердце?

Нет, невозможно так хорошо играть!

– Я верю, что ты не отдавала себе отчет в своих действиях.

– Спасибо! – воскликнула Илиана.

Она вскочила – но лишь чтобы упасть на колени и поклониться лбом в пол, вытянув вперед руки. Келлфер, не раз встречавшийся с обычаями Пурпурных земель, не удивился, но внутри зарычало непонятное ему самому неудовольствие.

– Не кланяйся мне.

«Я тебе не Дарис, меня не заводит подчинение».

Илиана так же невесомо поднялась и снова села напротив. Глаза ее мерцали в темноте.

– Вы знаете, как это исправить? Скажете мне? Я все сделаю.

– Не знаю, – ответил Келлфер мрачно. – Твой дар – очень большая редкость. Я им не обладаю. Могу предположить, но мне нужно больше информации, а ты даже не знаешь, на что обращать внимание. Пустишь меня в свои воспоминания?

– Ч-что? – переспросила Илиана. – А что вы сможете увидеть?

– Все, – ответил Келлфер. Он знал, что голос его звучит отстраненно, но внутри отчего-то гулко колотилось сердце.

– Может, я все же расскажу? – как-то потухла Илиана. Раньше он бы посчитал это игрой, но сейчас, приглядевшись к девушке, склонен был поверить, что ей просто стыдно. – Я не могу все показать.

– Ты будешь вспоминать произошедшее во всех возможных деталях, а я увижу эти воспоминания. Если твоей мысленной дисциплины достаточно, ты не покажешь мне ничего, что не относится к делу, – пояснил он.

– Но ведь вы же говорили, что лучше не шептать?

– Это такое тонкое воздействие, что след от него даже я не поймал бы.

Илиана встала, чтобы поставить на огонь воду. Келлфер наблюдал, как она ходит туда-сюда, и был рад: он и сам хотел бы отсрочить это логичное, рациональное, единственно верное решение. Илиана установила на дымящиеся угли чугунную чашу и села, скрестив руки и ноги.

– А мои мысли – тоже часть воспоминания? То, как они заставляли меня каяться, и что я думала – очень личное. Простите. Я не отказываюсь, но если есть возможность, хотела бы оставить это только в своей памяти.

– Да, мысли – часть воспоминания. Но ты можешь не вспоминать, о чем думала тогда, лишь события.

–Если у меня достаточно мысленной дисциплины, – хмыкнула Илиана. – Вы же понимаете, что никто и никогда меня ей не учил?

–Не страшно. Если твой будущий супруг разрешит, тебя можно обучить в Приюте.

–Он же не разрешит. Вы же видите, какой Дарис.

–Ну почему же. Если снять с него морок, делающий его похотливым животным, под ним обнажится не такая уж и плохая суть, – заметил Келлфер. – Ни один знаток разума, даже обученный, не может создать любви. Дарис по-настоящему любит тебя. И если спросишь меня, он славный парень.

–Мне жить с ним всю жизнь, – вздохнула Илиана. – Можете немного о нем рассказать? Пожалуйста.

–Тянешь время? – приподнял бровь Келлфер.

–Да, – виновато улыбнулась девушка. – И набираюсь храбрости. И правда очень хочу знать, с кем связана и в чьей власти нахожусь.

Она смотрела на Келлфера, ожидая его решения, и накручивала на палец край рукава. Келлфер кивнул:

–Он воспитан матерью, которая его обожает. Привык к щедрости и теплу. Он участвовал в последней войне, командовал большим отрядом и вернулся героем. Его подчиненные очень любят его именно за эти щедрость и тепло, которыми он окружает даже тех, кто ему безразличен. Однако есть и другая сторона – парень привык, что все слушаются его и боготворят, привык быть влиятельным. Это сделало его капризным. Он не столько любит власть, сколько боится ее потерять. Не хочешь, чтобы он сжимал пальцы на твоём горле – не перечь ему. – Келлфер остановился, гоня от себя прочь образ Илианы, сидящей в помпезном золотом кресле в гостевом зале Солнечного замка, и, по сути, привязанной к нему. Сейчас девушку стоило хотя бы немного успокоить, а вовсе не пугать. – Он довольно добр, насколько я могу судить. Импульсивен. Вполне умен, находчив. Умеет сострадать, хотя жалеет далеко не всех. Во вверенной ему провинции люди живут счастливо и небедно, и он лично разбирает сложные тяжбы между ними. Совсем не практичен, – Келлфер грустно усмехнулся. – И выполнит твой любой каприз, раз уж так любит.

Чем больше он говорил, тем ниже Илиана склоняла голову.

–Я чудовище, – вдруг надрывно проговорила она. – Правы были пар-оолцы. Может быть, мне место в клетке, а после – на эшафоте. А знаете, я ведь правда подумала, что его возбуждают осужденные на смерть. Я превратила хорошего человека, о котором вы говорите, в... это. Вам пришлось ударить сына из-за меня.

Келлферу показалась, что Илиана плачет, но плечи ее не вздрагивали. Она только закрыла лицо руками и замолкла, не шевелясь, будто слилась с тюком, на котором сидела.

Тишина была звенящей.

Келлфер встал, не особо раздумывая, и сел рядом с девушкой. Та не подняла головы, будто не ощутила его присутствия.

–Это кольцо на моей клетке, – глухо сказала она в собственные ладони. – Я привыкла ненавидеть его, будто оно живое, считала его худшим изобретением людей, ненавидела и тех, кто его сделал, и тех, кто повесил на прутья. Мне казалось, оно – воплощение зла и подавляет мою волю, я даже придумала подавленной части себя другое имя. Сейчас я думаю, что кольцо открыло во мне что-то, чего я привыкла не замечать, не создало, а высветило из темноты. Я льстила себе мыслью, что спасаю людей от боли, и что мой дар во благо. Но это не правда. Стоило на меня надавить – и полезла суть. Простите, простите меня.

Тут ее высокий голос, наконец, дрогнул. Не желая больше видеть мучений девушки, удивляясь чистоте ее души, Келлфер обнял Илиану и аккуратно погладил по волосам. Она сначала замерла, как зверек, а после мягко отстранилась, и даже немного отсела от него.

–Вы зря меня жалеете, – сказала девушка без малейшей театральности. – Давайте приступим. Я хочу хотя бы попытаться исправить ошибку. Что мне делать?

Руки тянулись снова ее обнять, и это желание разливалось в груди каким-то надрывным теплом. Слова Илианы – искренние, страшные, говорящие о ней так много, глубоко поразили Келлфера. Но еще больше его поразила ее реакция на утешение.

Он хорошо знал людей. Если бы кто-то рассказал ему такую историю и процитировал ее слова, Келлфер бы посмеялся и вынес вердикт: маска святоши, которая хочет, чтобы ее пожалели.

Но Илиана не просила жалости. Она не жалела себя сама. Единожды поставив свои интересы – саму свою жизнь! – достаточно высоко, чтобы повлиять на другого человека, она была готова съесть себя с потрохами за этот естественный порыв. Ей не нужна была поддержка – она хотела возможности исправить то, что считала ошибкой, и что ни один хотя бы немного эгоистичный человек ошибкой бы не посчитал. Будь Келлфер на ее месте... Да будь любой на ее месте, кто бы рассуждал так?! Кто бы отказался от сочувствия со стороны того, от кого зависит само существование?!

И все же настоящей поддержкой было дать ей то, чего она просила. Келлфер прислушался к себе: это ему до дрожи в руках хотелось ее обнять и снова погладить по волосам, ему хотелось заглянуть в ее небесно-голубые глаза и сказать, что она больше не один на один со своей ужасающей судьбой, что он вытянет ее из того капкана, в котором она оказалась. Келлфер понял это – и остановил себя.

–Хорошо, – он сам удивился, как ровно звучал его голос. – Сможешь вспомнить вашу первую встречу?

–Смогу, – кивнула Илиана. – Если честно, такое сложно забыть. Знаете, мне так хочется сейчас заранее оправдаться перед вами, что я не такая, что я просто была в отчаянии. Но я сделала что сделала, сейчас и сама это ясно вижу. Я посчитала, что, если его интерес ко мне будет сильнее, то он вернется, вот и все.

Келлфер взял девушку за руку – ладонь была прохладной и влажной от волнения, – и погрузился в ее тяжелые воспоминания.

11.

Несмотря на смущение и страх, меня восхищала спокойная и четкая манера Келлфера объяснять: я никогда не была в Приюте, но представляла себе шепчущих именно такими наставниками. Если бы мы встретились при других обстоятельствах, я бы посчитала за счастье учиться у Келлфера. Мой отец говорил, что способность вести других сквозь дебри овладения новыми знаниями и умениями – самый настоящий дар, и если это было так, Келлфер этим даром определенно обладал. Вот только я не была послушницей, а происходящее – простым уроком. На кону стояла не плохая оценка, а жизнь его единственного сына.

Келлфер утверждал, что никогда не вел таких как я – «знатоков разума», – хоть и читал об этом немало. Я не могла поверить, что столь точные знания можно получить из книг: без тени сомнения, просчитывая, что нужно делать дальше, Келлфер моими руками разрушал мною же созданную масляную завесу в мыслях Дариса. Он повторял указания, чуть дополняя их – и я ныряла вглубь того, что теперь ясно ощущала как направленный вверх световой поток, а после моего возвращения Келлфер смотрел мои воспоминания, находил в них последнюю неуклюжую попытку выполнить его точные и подробные указания и приказывал сделать это снова. И снова. И снова.

После тринадцати погружений я прекратила считать и только тупо следовала за шепчущим, стараясь не упускать концентрации. Сначала я еще лелеяла надежду спрятать от Келлфера мысли о нем самом, но постепенно эта необходимость отпала – опустошение, пришедшее вместе с усталостью, справлялось намного лучше меня. Если он что-то и понял, то никак не показал этого.

–Ты все еще видишь след своего влияния?

Я выдохнула через зубы. Наверно, получилось оскорбительно, но меня уже мало заботили приличия. Тут, над телом Дариса, плечом к плечу с его отцом, погрязшая в первом в моей жизни уроке по управлению моим даром – с ужасающе высокой ценой ошибки – плевала я на то, как выгляжу со стороны.

–Он бледнеет, почти не видно.

–Покажи.

И снова я подумала: если провалюсь, дрогну мыслью, Келлфер меня убьет. Может быть, чуть позже, чтобы не ссориться с Дарисом, но если я нанесу его сыну хоть какой-то вред, Келлфер не станет разбираться, и неумелость оправданием мне не будет.

Он изучил мутный ореол вокруг светового потока Дариса и, как мне показалось, довольно кивнул:

–Намного лучше. Думаю, остался последний шаг. Ты почти справилась. Не волнуйся, Илиана. – Он поймал мой взгляд. – Я очень, очень внимательно слежу за каждым твоим движением, именно поэтому мы делаем все так постепенно, а не потому, что у тебя не выходит. Ты не ошиблась ни разу.

Это была первая данная им оценка – и она оказалась высокой!

И... он утешал меня? Меня, сломавшую разум его сына?

–Я поняла, – выдавила я из себя. Облегчение во мне боролось с прежней скованностью и оглушающей усталостью. – Давайте сделаем этот последний шаг.

–Так же, как и раньше, мыслью проскальзываешь в поток, но теперь не борешься с темнотой. Вместо этого сглаживаешь разницу между тенью и светом, будто размазываешь краску, чтобы получить равномерный оттенок, – скомандовал он. – Ты уже почти все сделала.

Я с трудом кивнула, сосредотачиваясь, и нырнула. Почему-то новое задание оказалось сложнее. У меня получалось, но прогресс давался мне тяжело, будто я прорывалась через глу-

бокую, тяжелую воду. В такт моему дыханию границы тускнели, а с биением пульса проявлялись вновь. Шаг вперед – три четверти шага назад.

Миг за мигом. Попытка за попыткой. Мне не хватало воздуха, будто я и правда находилась на дне океана. Я закусила губу – и тут же ощутила на языке теплый металл. Он отвлекал.

– Дыши, – прорезал глубину тихий голос Келлфера.

Легкие конвульсивно дернулись и расправились, стало немного проще, и я продолжила. Краем уха я слышала то ли свист, то ли шипение – почти на границе звука, как часть сна. Губу немного щипало теплом, будто ее окатили горячей водой, но боли больше не было.

Стоило мне осознать свечение Дариса как равномерное и торжествующе разлепить веки, все закружилось перед глазами, мир перевернулся: стены вдруг оказались надо мной, и красный глиняный пол – у самого моего лица. Сильные руки остановили меня, не давая упасть. Тело онемело, будто между ним и мной кто-то проложил одеяло. Келлфер подхватил меня под колени и спину, и аккуратно, приобнимая, усадил на один из свернутых мешков с травой, из которых мы сложили подобия длинных кресел. Я прислонилась к груди шепчущего, пытаюсь очнуться, но все плыло сквозь нарастающую головную боль: и его тепло, и прикосновение к моей спине, и даже само ощущение жесткой ткани под ногами, и темнота грота, и едва различимый шелест воды, и почему-то казавшееся мне цветным дыхание спящего Дариса. Я хотела что-то сказать, но язык ворочался слабо.

– Устала, – пояснила я, будто это не было очевидно.

– Вижу, – низкий голос размывался так же, как и все остальное, но вибрация в нем будто прошла через все мое тело, и я вздрогнула. – Мне все равно нужно посмотреть воспоминания.

Как хорошо, что мне было не до того, чтобы осознавать его присутствие, размышлять о том, что он обнимает меня, и что я могла бы тоже протянуть руки и обхватить его за пояс! С этой мыслью я послушно пустила Келлфера в свой разум и через несколько мгновений увидела его удивленное лицо перед собой. Он будто что-то обдумывал, чуть сощурившись, а после мягко заключил:

– Ты снова все сделала правильно. Знаю, ты измотана с непривычки. Подожди пару минут, и это пройдет. Ты освободила его, Илиана.

И он поцеловал меня. Всего лишь мимолетное касание губами моего разгоряченного лба – а я мигом проснулась. Сердце пропустило несколько ударов. Мысли ворочались вязко, но даже в таком состоянии я осознала, *что* он мог только что увидеть во мне, и это отозвалось жгучайшим стыдом.

– Не надо целовать невесту сына в лоб, – сказала я, делая только хуже.

Келлфер немного отстранился. Он поправил мои волосы у виска и улыбнулся:

– Почему? Разве мы не семья? – Эти слова звучали ядовито. Если бы я не знала, как бесстрастен он обычно, то бы решила, что они полны сожаления и злости. На кого Келлфер злился? На себя? На меня?

– Пока нет, – ответила я. Постепенно слабость проходила. – Как раз надеюсь, что раз я все сделала правильно, теперь семьей мы не станем.

– Вот как? – Голос все так же резал. Мне неожиданно захотелось плакать. – Сына моего ты не любишь.

– Да, – подтвердила я храбро. Какой был смысл в отрицании очевидного?

– Я не спрашивал, – усмехнулся Келлфер. – Никто не может создать любовь, ты же понимаешь? Он любит тебя не потому, что ты заставила его.

– И что? Он – настоящий, какого вы описывали, – не станет же держать меня на привязи?

– Ты дала ему клятву, – почему в этом мягком, вкрадчивом тоне столько горечи? – Одну из самых сильных. Ты отдала ему себя. И теперь можешь только надеяться, что он вернет тебе твою волю.

–А вы бы вернули?

–Нет, – сказал Келлфер прямо.

Глаза его блеснули, и я почему-то испугалась. И без своего дара я видела: Келлфер был честен. Какой жестокий ответ! Он выбил у меня из-под ног почву, пошатнул только появившуюся надежду. Нет. Если бы я попала к нему в руки, даже он оставил бы меня себе, хотя он-то в меня не влюблен. Дарис, конечно, поступит так же?

–И что мне делать? – спросила я. Терять было нечего.

–Молиться всей тысяче пар-оольских богов, я полагаю, – как-то подчеркнуто отстраненно ответил Келлфер, вставая. Я пошатнулась и привалилась к стене, как куль с сеном.

Мне пришло в голову попросить у него защиты: а вдруг бы не отказал? Но я задавила эту мысль в самом зародыше: не хватало еще демонстрировать, что я готова поссорить отца и сына между собой! У меня не было детей, но я ощущала всю глубину любви, которой окружали меня мама с папой. И еще лучше помнила безысходное отчаяние, порожденное нарушением этой святой связи – когда мой младший брат поссорился с родителями, решив не довольствоваться судьбой безымянного, и ушел в моря, из которых не вернулся.

Да Келлфер размажет меня как мокрицу, если я заикнусь о таком!

–Вы говорили, он добрый человек, – вместо этого напомнила я дрогнувшим голосом. – Он может не захотеть меня принуждать.

–Может, – тихо заметил Келлфер, наклоняясь над сыном.

12.

Когда я проснулась, то первым, кого увидела, был Дарис. Он подоткнул одеяло, которым я была укутана до самого подбородка, и, ничего не говоря, встал с набитого сеном тюфяка, служившего мне кроватью. В лице его не было злости и не было похоти.

–Я долго... – Голос сипел, мне пришлось прочистить горло. – Я долго спала? – И не дожидаясь, ответа, выпалила: – Ты как?

Дарис пожал плечами. Он стоял ко мне спиной. Свечу он оставил у входа в мой маленький грот, и в ее неверном свете его силуэт был жестким и черным и продолжался длинной тенью.

–Лучше, – сказал он, не оборачиваясь. – Все осознаю и все помню.

Интонации его голоса тоже изменились. Он говорил как очень уставший человек. Я привычно обратила свой взор внутрь него и встретила с такой оглушающей болью, что охнула. Дарис ощущал себя преданным, раздавленным, опозоренным, но более всего его пугало, что он успел разрушить то, что уже не сможет починить. Ему было больно и стыдно смотреть на меня, и это казалось таким несправедливым, что на мои глаза навернулись слезы.

–Дарис, пожалуйста, прости, – прошептала я. – Я виновата. Прости.

Он резко обернулся, и я в его мыслях полыхнула ярче свечи. Я спешно ретировалась, почему-то чувствуя, что не имею права смотреть. Это было тем удивительнее, что такое чувство не возникало раньше, когда он раздевал меня глазами и фантазировал о том, как проникает в упругую и горячую глубину моего тела. Тогда я отворачивалась с отвращением и страхом. Сейчас же знать, что он думает обо мне, и видеть себя его глазами было по-настоящему неправильно. Даже закрывшись, я продолжала фоном ощущать его настроение – как произвольную дрожь тела, как падение в пропасть без дна.

–Я тебя почти изнасиловал.

Я помотала головой.

–Не вини себя.

–Не один раз. И мне понравилось.

Дарис прислонился спиной к стене, закинул голову, мягко ткнувшись затылком в камень. Глаза его были закрыты. Смягченный страданием жесткий профиль и немного растрепанные волосы, скованные движения мощного тела – он выглядел человеческим, сильным, сломленным, надеющимся, съдавшим себя и несчастным.

–Ты относишься ко мне лучше, чем я заслуживаю, – сказала я первое, что пришло мне в голову. – Ты спас меня. Ты же герцог. А я безымянная из другой земли. Ты мог пройти мимо, а меня оставить на смерть, мог сам убить, и никто бы ни слова не сказал.

–Я не герцог, – глухо сказал Дарис. – Я племянник герцога. Было мальчишеством вводить тебя в заблуждение.

–Это не так уж важно. То, что ты сделал...

–Прекрати читать мои мысли, – вдруг перебил меня Дарис. – Я приказываю тебе прекратить читать мои мысли, чувства, образы и вообще использовать на мне твой дар, кроме случаев, когда этим ты спасаешь мне жизнь.

И стало тихо, даже фон пропал, будто кто-то захлопнул окно, за которым бушевал ураган. Я пораженно открыла рот, но тут же взяла себя в руки и сомкнула губы. Он приказал мне – и даже не успев осознать, – я подчинилась.

Вот такая связь?! Клятва на крови! Теперь я понимала, почему Келлфер говорил, что хватит с меня клятв!

Свет, во что же я загнала себя, в какое ужасное и абсолютное рабство?!

Дарис пошевелился и открыл глаза:

–Получилось?

–Д-да, – признала я. – Ты знал, что я читаю твои мысли? Все это время?

–Знал, – признался Дарис мрачно. – Мне казалось, тебя заводят мои фантазии о тебе. Сейчас я понимаю, как это мерзко.

–Это не было...

–Да ну? – Дарис повернулся ко мне. Сейчас он был немного похож на своего отца. – Еще скажи, что тебе это было приятно.

–Ты очень злишься на меня? Можешь приказать мне сказать правду, и я не смогу соврать, верно? Я говорю и подтверждаю, если ты посчитаешь нужным: я не знала, что могу так повлиять на кого-то, и до последнего не понимала, какой вред причинила тебе.

–Отец мне сказал. Он считает, все происходило постепенно, и даже он не сразу смог понять, что что-то не так.

Значит, Дарис поверил не мне, а Келлферу.

–А где он?

–В большом гроте.

Грот, который мы называли большим, служил нам кухней, и там же располагались постели мужчин. Проход между гротами, низкий и узкий, на расстоянии десяти шагов от входа резко поворачивал, так что даже если в большом гроте горели свечи или что-то происходило, мы не могли этого увидеть. Услышать тоже: песчаник, в котором был выдолблен большой грот, глушил звуки, а эхо гуляло только в полностью обшитых камнем коридорах. Тем страннее прозвучало следующее предположение Дариса:

–Наверно, прислушивается.

–Как он может оттуда что-то услышать?

–Шепчущие умеют усиливать слух и зрение, – пожал плечами Дарис. – Может быть, и ты научишься.

Даже не скрывая от себя, насколько мне важен ответ, я спросила:

–Даже если он может, зачем ему слушать?

–Чтобы понять, не пытаюсь ли я убить тебя.

–Ты хочешь убить меня? – Сердце ухнуло вниз. Представилось, как Дарис приказывает мне перестать дышать – и я перестаю.

–Нет. Я люблю тебя. То, что ты сделала, не меняет того, как глубоко я узнал тебя за это время. Да, тогда я был под дурманом, но сейчас так же ясно помню каждый наш разговор, как помнил несколько часов назад. Только раньше все, что ты говорила, я воспринимал как попытку соблазнить меня. Протрезвев, я могу, пожалуй, действительно понять, о чем ты рассказывала и чем делилась со мной. Мне больно за тебя, я жалею тебя. Я даже понял бы, если бы ты прожарила мне мозги сознательно – и все же ненавижу ситуацию, в которую ты меня поставила, и то, каким ничтожным меня сделала. Но все равно я рад, что мы вытащили тебя. Это ты хотела услышать? – говорил Дарис ровно, и лишь на последней фразе голос его дрогнул.

–Прости меня, – снова попросила я, будто это что-нибудь могло изменить. Меня душили слезы.

–Возможно, тебе будет интересно узнать, – продолжил Дарис, – что я принял решение вытащить тебя еще до того, как ты заметила меня. Сразу, как увидел. Не потому, что ты невероятно красива, хотя ты и невероятно красива. – Он грустно усмехнулся. – А потому что ты была своей, попавшей в плен к чужакам, потому что ты сидела в клетке, как животное, и вид у тебя был несчастный и потерянный. То, что ты провернула, даже и не требовалось, Илиана. Я бы вернулся и без этого.

Он с силой сжал виски ладонями и снова закрыл глаза.

–Прости, – повторила я. Другие слова не шли на язык. Я понимала, что он ждет чего-то еще, и выдавила из себя: – Твой отец считает тебя очень достойным и добрым человеком.

–Мой отец... – Кажется, мои слова позабавили Дариса. – Достойным он меня назвать не мог. И я не так уж и добр. Просто он *настолько* не добр, и его подход к жизни так отличается от моего, что я кажусь ему добрым. Отец, кстати, доброте считает за слабость, а то и за глупость.

Это было неожиданно.

–Что ты имеешь в виду?

Дарис повернулся ко мне и заслонил свет свечи.

–Что если бы на моем месте оказался он, то одарил бы тебя вниманием не больше, чем собаку на привязи.

–Ты ревнуешь? – удивленно и потому чересчур прямо спросила я, вспоминая, каким наваждением была эта мысль для Дариса раньше.

–А нужно? – Он поджал губы. – Не думаю, что это имеет смысл, – ответил Дарис сам себе. – Моему отцу никто не нужен. Люди для него – игрушки, служащие его целям.

–Мне так не показалось, – покачала я головой.

Почему-то меня задели слова мужчины, будто они ставили под сомнение что-то очень ценное для меня. Да и разговор сворачивал в странное русло.

–Он пошел со мной только для того, чтобы я, влюбленный идиот, не наворотил дел, – снова печально улыбнулся Дарис. – И чтобы изучить тебя, как какого-нибудь почти вымершего вилохвоста. У тебя редкий дар. Когда я сказал ему, что ты умеешь читать мысли, вот тогда он заинтересовался, до этого и не думал мне помогать.

–Он не считает тебя идиотом, – ответила я.

–Считает, – пожал плечами Дарис. – Я не спросил тебя. Как ты себя чувствуешь?

–Хорошо, – честно ответила я. – Если не считать вины, которая дерет меня пополам.

И страха. Я не смогла сказать про страх, что Дарис сделает мою жизнь кошмаром, пользуясь своей властью. Ко мне иногда приводили тронувшихся рассудком бывших рабынь, сумевших сбежать с торговавших с Пар-оолом судов черноторговцев и переплыть Живое море. Благодаря этим сломленным женщинам я узнала, что если мы показываем кому-то сильнее себя, что готовы к плохому к себе отношению, то это зачастую толкает их на предложенный путь. Получается, что своим предположением мы не только даем разрешение, но даже подсказываем, каких условий для себя ждем. Так, например, тема насилия может перестать быть запретной даже у того, кто смущался взять женщину против воли – стоит бедняжке в плену попросить ее не насиловать, и укравший ее пират понимает, что именно насилие является для нее нормой, – нормой, его устраивающей. Никакого поиска, никаких размышлений о правильном или неправильном: жертва уже готова ко всему.

Я не хотела давать ему подсказок. Не была готова ко всему. Поэтому я сжала зубы и промолчала.

–Потому что ты очень хорошая, – неожиданно нежно ответил Дарис. – Давай бросим это. Знаю, звучит невыполнимо, и все же предлагаю заключить еще одну маленькую сделку: я не грызу себя, ты не грызешь себя.

–Звучит не слишком честно, – отозвалась я. – Ты в ней приобретаешь меньше, чем я, ведь ты и так не виноват.

–А в той сделке, на которую я вынудил тебя, разве не приобрел я больше?

Я понимала, о чем он говорит, но, сама не зная зачем, изобразила удивление, всем своим видом показывая, что жду пояснений. Дарис неспешно приблизился, сел на край тюфяка и взял меня за руку. Ладони его были большими, теплыми. Сейчас его касание не было ловушкой. Руки я не отобрала, не понимая, какие чувства теперь рождаются во мне в ответ на его прикосновения. Некстати вспомнилось, как эти самые руки ласкали меня недавно, и как сладко и невыносимо это было. Я возблагодарила судьбу, что мы находились в темном подземелье, и что свеча чадила, почти не давая света – так он не мог увидеть моих горящих щек.

–Я ведь обманул тебя тогда, Илиана. – Теперь он произносил мое имя, не растягивая гласные. – Эта клятва не была помолвкой, шепчущие не делают подобной глупости, и уж тем более нет в ходу таких традиций. Я читал о клятвах на крови в книгах моей матери и, возвращаясь в Пар-оол, уже в деталях обдумал этот план. Я хотел, чтобы у тебя не было шанса мне отказать, и считал, что это обернется нам на пользу. То, что я пошел на такой шаг – вот самое ужасающее последствие твоего влияния на меня.

–Ужасающее, – шепотом повторила я, пытаюсь уложить в своем сознании это слово. – Ты можешь ведь просто освободить меня? Есть же способ?

Он поднял мою руку и поцеловал ладонь – совсем не страстно, скорее, как-то задумчиво. И снова я не решилась отнимать у него руки. Сейчас, за его рассуждениями, которых я не могла услышать, решалась моя судьба: отпустит или не отпустит.

–Все сложнее, – наконец, произнес Дарис. – Я узнал тебя, Илиана. Я не понимал, что вижу и слышу, все это не слишком интересовало меня, но сейчас иначе. Когда я проснулся, то сначала подумал, что ты внушила мне любовь. Но я продолжаю чувствовать ее. Она живая. Я держу тебя за руку, и мне кажется, что ничего естественнее быть не может. Я хочу согреть тебя. Не только спасти, а залечить раны, которые должна была оставить эта история на твоей душе. Хочу сделать счастливой. Если бы не любовь, да, я бы просто разорвал связь.

–И? – Мне было страшно дышать. Сердце колотилось, как будто молот ударял в наковальню.

–И я не могу вернуть тебе клятву, Илиана. Вот что ты сделала со мной. Я не могу.

13.

«А вы бы вернули?»

Такой простой, невинный вопрос. Когда Илиана задала его, она надеялась на другое. А Келлфер не размышлял и секунды: ответ был очевиден еще до того, как девушка закончила говорить. Зря она озвучила это, зря заставила Келлфера задуматься, что бы он сделал, окажись сам, а не сын, связан с Илианой кровью.

Ни за что.

Келлфер устало потер лоб. Это было больше, чем неуместно: любоваться ее светлыми, как дождь, глазами, видя за ними поражающую воображение чистоту. Когда он погрузился в воспоминания девушки, взглянул на мир ее глазами, все встало на свои места. Илиана плохо контролировала мыслительный поток, ей не удавалось, или она и не пыталась удержаться от обдумывания связанных с ее заточением обстоятельств, от размышлений о своей собственной природе под действием артефакта. Илиана. Он бы не поверил, что молодая девушка, прошедшая через подобное, смогла сохранить себя собой – если бы не встретил ее.

Илиана шла по грани, держась на непонятно откуда берущейся твердости. Она придумала себе другое имя и другую личность, присвоив ей все то, с чем следовало бороться – необычная, опасная техника, – и ей удалось не пустить грязь в свою душу. Илиана дала своей подчиненной части плакать и молить, понимая, что это не она – и смогла сохранить рассудок.

Если бы девушка просто знала о клятвах больше, то никогда бы не совершила такой ошибки. Привычно понадеявшись на удачу, она проиграла по-крупному, отдала всю себя, но и это ее не сломило. Илиана понимала, что означает власть Дариса, и как непреодолима эта власть, и почти отчаивалась. Почти. Одному Свету было ясно, как девушка ухитрилась сохранить надежду и даже в какой-то мере веру в лучшее среди непроглядной темноты абсолютного подчинения, но она с удовольствием просыпалась утром и благодарила Свет, что все еще жива, а стоило забрезжить отчаянию, терпеливо пережидала его пик, не позволяя себе кричать, вспоминая, что раз жива, ничего еще не кончено. «У лягушки, которую съела цапля, и то остается два выхода», – говорила ее мать в детстве. Илиана повторяла эту фразу как молитву.

А Келлферу хотелось вырвать ее из лап оправданного отчаяния, чтобы этот выстрадавший оптимизм заместило что-то более реальное.

Он не мог припомнить, чтобы кто-то вызывал в нем такие сильные чувства.

Несмотря на свое идеальное происхождение и, стоило признать, незаурядный ум, Дарис не был ее достоин. Он, конечно, разглядел блеск за кучей тряпья, но все же не понял, что сверкает бриллиант – только схватил безликую побрякушку, решив обладать ей. Дарис не заглядывал в ее душу. Не знал о том, как она боялась оказаться грязной, как упорно хваталась за жизнь, в чудовищной борьбе сохраняя остатки разума. Не знал, как она злилась на себя за то, что не могла противостоять ему в волнах черного кольца, и как не желала смерти, хотя пар-оольцы обязали ее ждать избавления и ждали, пока она сломается. Дарис не мог оценить ее силу, потому что силой для него были лишь воинская удаля, политическое превосходство и умение шептать боевые заговоры.

Как выросший в обожании и развращающей вседозволенности племянник герцога поймет ее, безмянную, потерявшую дом и родителей и забранную в рабство? Он не смог бы сделать Илиану счастливой: слишком был слаб на ее фоне, этот разбалованный, охочий до обожания, хоть и щедрый парень. Келлфер опасался, что со временем, все же осознав различия, разглядев алмазный стержень за мягкой оболочкой, Дарис станет всю пользоваться властью, чтобы доказать себе и Илиане, что он сильнее, и что это обернется для связанной по рукам и ногам девушки кошмаром. Келлфер хорошо знал людей: уязвленные мужчины были способны на многое.

Сын, которого Келлфер теперь даже про себя старался называть именем, данным ему матерью, держал Илиану за руку. Она сидела на обернутой холстиной соломе, прямая и недвижимая, и не выдергивала свою узкую ладонь, потерявшуюся в его хватке. Илиана вся замерла, только ресницы ее вздрагивали. Признание сына, не ставшее неожиданностью для самого Келлфера, обрушилось на нее как плита. Чуткие глаза с измененным заговором зрачком уловили блеск на щеке девушки: покатила слеза, которую сын не заметил. Илиана не стерла ее, чтобы не привлекать внимания, но протянула вторую руку и робко коснулась костяшек пальцев Дариса. От Келлфера не укрылось, что сама девушка от этого прикосновения вздрогнула, тогда как Дарис неспешно повернул к ней лицо.

– Могу я как-то убедить тебя?

– Я и сам осознаю всю отвратительность этого решения! – Дарис вдруг подвинулся к ней ближе. – Меня не нужно убеждать в том, что я не прав. Но я не откажусь от тебя.

Келлфер приблизился к гроту, стараясь не потревожить пламя свечи. Он и сам не понимал, что сделает, если Илиана сейчас закричит, или если Дарис схватит ее против воли. Но знал: если сейчас, находясь в своем уме, Дарис посмеет приказывать ей отдаться ему, то сын поведет без сознания все время до их возвращения в Империю.

Мысль о том, как Илиана оказывается в объятиях Дариса, была удушающей.

Чистая, добрая Илиана. Ждавшая спасения от Келлфера, смущавшаяся своего к Келлферу интереса, пытавшаяся скрыть свою симпатию, казавшуюся ей почти преступной и абсолютно обреченной. Бедная Илиана, уничтожаемая тиранической любовью Дариса, увидела в его отце искру хорошего отношения, поверила в его желание помочь и мгновенно привязалась к нему, от безысходности, от боли. К единственному, кто может протянуть ей руку помощи – кто не привязался бы?

С каких пор его вообще заботят такие вещи?! Проклятие!

Келлфер решительно переступил свечу, и отбрасываемый ею свет заплескал на стенах. Дарис обернулся.

– Отец, – тускло констатировал он. – Как я и думал, ты нас слушал.

– Я не скрывал этого, – ответил Келлфер, не глядя на сцепленные руки молодой пары. Пришлось сжать зубы до боли, чтобы не отодрать Дариса и Илиану друг от друга. – Дарис, ты спешишь с неверным решением, хотя времени у тебя мало. Тебе стоит подумать.

– Это мое дело.

А все-таки Дарис изменился! Но не к худшему, как посчитал раньше Келлфер – тогда сын уже был не в своем уме. На самом деле он стал жестче, увереннее, рассудительнее. Неужели так на нем сказалась война? Это обрадовало бы Келлфера, если бы не дрожавшая Илиана, с надеждой искавшая глазами взгляд отца своего... хозяина.

– Клятвы на крови опасны. Власть изменит тебя, и ты уничтожишь Илиану. Если любишь ее, отпусти сейчас, пока это не начало действовать.

Келлфер не врал, хотя и не стал говорить, что дело не в магии, а лишь в обыкновенной человеческой природе. Все любят власть по-разному, кто-то легче и быстрее входит во вкус, кому-то, напитанному влиятельностью с детства, обычная власть уже не приносит удовольствия. Но люди – это всего лишь люди, пусть и с разным темпом, со всеми происходит одно и то же: чем больше человек привыкает к власти – тем меньше хочет ее отдавать. Видя, что мир не рушится от принятого им неэтичного решения, человек убеждает себя, что оно не столь уж и плохо, раз мир на месте. А привыкнув к этому, легко принимает следующее и следующее.

Основы основ. Исключений Келлфер не знал: даже святоши вели себя так, только времени им требовалось больше, а шаги в сторону неэтичности были мельче. Собственно, не укладывался в эту картину разве что Даор, но он был не в счет – друга, с его демонической кровью, и человеком-то назвать было нельзя, – он изначально рамками этики себя не сковывал.

А вот Дарис считал себя хорошим человеком и пока за свои принципы держался. Так что сына, пока еще колебавшегося, нужно было поторопить, пока его обостренное чувство справедливости еще не притупилось.

Но почему-то слова давались непросто. Сейчас краем глаза Келлфер следил за Илианой, и его уколело, как она вздрогнула и как опустила голову. Сказанное пугало не только Дариса, ей и в голову не приходило, что Келлфер преувеличивает ради того, чтобы подтолкнуть сына к нужному решению, и просто верила директору Приюта Тайного знания, понимавшему, как работают клятвы на крови. Келлфер дал себе обещание объяснить это Илиане позже.

Иди речь не о Дарисе, Келлфер бросил бы это дело: разорвать подобную связь человек мог только по своему желанию, и никакое принуждение не сработало бы на нем, а влюбленный мужчина не мог захотеть отпустить возлюбленную, кроме как ради ее и своего блага.

Вот же оно, благо, на блюдечке!

– Даже если это и так, я приму это решение позже, – не поддался на провокацию Дарис, но Келлфер отметил, как дрогнул его голос. – Я все изучу, прости, не с твоих слов. И не дам причинить Илиане вреда. И это, повторю, не твое дело. Я благодарен тебе за помощь, но на том все. Оставь наши отношения нам.

– Может, я дам какую-нибудь другую клятву, раз эта так опасна для нас обоих? – подала голос девушка.

«Умница! Предложи ему обмен, что угодно!»

– Я подумаю об этом, – медленно проговорил Дарис. – Но пока не вижу в этом смысла. Не бойся сказанного отцом: ты со мной в безопасности.

– Вот только я продолжаю сидеть в клетке! – отчаянно ответила Илиана. – Ты дал мне свободу потому, что меня заперли как животное, ты сам сказал. Затем ты привязал меня к крюку у воды. Сейчас отказываешь мне в свободе воли. Хочешь сказать, ты за животное меня не держишь?

Келлфер усмехнулся: девушка за словом в карман не лезла. Как и тогда, когда он сам указал ей, что у нее нет выбора. Он все-таки встретился с ней глазами, и мир сузился до этих пылающих страданием и страхом озер. Илиана искала поддержки и защиты и не понимала, что если бы Келлфер встал сейчас на ее сторону, Дарис однозначно бы отказался даже раздумывать. Беспомощность девушки играла ей на руку.

Промолчать было по-настоящему тяжело. «Я поговорю с ней позже и все объясню, – снова сказал себе Келлфер с нарастающим чувством тревоги. – И мы вместе придумаем, как заставить Дариса ее отпустить. У нас должно получиться. Даже с таким упрямым, как мой сын».

Да, Дарис оставался его сыном. Если бы не это, можно было бы не танцевать вокруг, просчитывая его реакции на давление, а просто убить его – и Илиана стала бы свободна. Она бросилась бы к Келлферу и благодарила его в этой забавной манере жителей Пурпурных земель: пригибаясь к земле, с вытянутыми руками, со слезами на глазах. Он поднял бы ее и обнял. Осушил бы слезы.

Эти фантазии нужно было прекращать немедленно! Сейчас же!

И тут Келлфера как ледяным дождем окатило. Дикая мысль пришла ему в голову: а если Илиана, как-то пробившись сквозь защитный артефакт Даора, проделала с ним то же, что с его сыном?! Она же в отчаянии и снова могла не заметить. Что если и он, как раньше Дарис, постепенно, сам того не замечая, становится идиотом, мечтающим сползти к ее ногам?! Что если еще несколько дней – и тоже будет пожирать ее глазами, забыв логику и самого себя?!

Разве он когда-нибудь хотел кого-то защитить так, чтобы размышлять, пусть и гипотетически, об убийстве сына?!

Это стоило проверить немедленно.

Наверно, что-то отразилось на его лице, и Илиана отшатнулась, быстро заморгала и отвернулась. Дарис, сощурившись, наблюдал за ней.

–Нет, – наконец сказал он. – Не сейчас. Не бойся, я не буду приказывать тебе.

–Поклянись, – неожиданно ответила Илиана. – Тогда поверю.

И снова Дарис не поддался:

–Придется поверить так. Со временем ты увидишь, что я не вру.

–Дарис, я понимаю, что ты занят вашими отношениями, но они никуда не убегут, а нам нужно в город, – вмешался Келлфер, унимая пожар в груди. – Как можно скорее.

–Зачем? – повернулся к нему сын.

–Я расскажу тебе по дороге. Илиана, ты же хорошо себя чувствуешь?

Девушка с энтузиазмом закивала. Кажется, в ее глазах загорелась надежда. Может быть, она даже решила, что отец хочет переубедить сына, оставшись с ним один на один. Келлфер прогнал мысль о том, как она расстроится, когда поймет, что он и не собирался говорить с Дарисом о клятве и сосредоточился на идее проверки своей теории. «Пока я еще могу размышлять, – сказал он себе. – Все остальное подождет».

–Я пока приготовлю турнепс и сварю шоколадный напиток, – просияла обрадованная девушка. – Постираю. За меня не беспокойтесь!

–Ты предлагаешь бросить Илиану одну? – настороженно спросил Дарис.

–Я не могу оставить тебя с ней, – отрезал Келлфер. – Сначала я должен удостовериться, что все сработало.

–Сработало.

–Вот и дай мне убедиться в этом. Не волнуйся: эти два грота не найти за иллюзией, даже если кто-нибудь каким-то чудом пройдет по нашим тоннелям. Она в полной безопасности, если не станет выходить.

–Я буду в порядке! – бодро подтвердила Илиана.

Дарис неохотно встал.

14.

Я впервые за месяц осталась одна. Ни рабов, ни пар-оольцев, ни этих ужасных божеств, ни Дариса, взгляд которого я ловила на себе во время готовки и уборки, и расчесывания волос, и просыпаясь среди ночи, и даже когда уходила к реке вымыть посуду или умыться. Никого.

Мне не верилось. Честно говоря, если бы я могла убежать сейчас, рассчитывая только на себя – не задумываясь рванула бы в сторону порта. Но у меня не было денег, и среди черных, как сажа, пар-оольцев я выделялась как лунь. Никто не укрыл бы меня даже на время. Некоторое время я пыталась прикинуть, насколько реально схорониться среди товара на каком-нибудь корабле, но плыть до Пурпурных земель было никак не меньше четырех дней, и за это время пришлось бы выходить не единожды. Оставив эту мысль, я тряхнула головой. Глупо рассчитывать на сказочное везение, которого у меня никогда не было.

Стараясь не шуметь, я мышкой пробежалась по коридорам, тщательно запоминая дорогу, пока не добралась до одного из выходов на поверхность. Я даже мельком выглянула наружу – аккуратно, не высовываясь. Сквозь наполовину завешенную травой земляную арку, с той стороны наверняка напоминавшую нору, я наконец-то увидела кусочек солнца. Мне так хотелось почувствовать его тепло, что я легла на спину, лоя лицом гревший землю луч, и зажмурилась от неожиданной радости. По щекам предательски поползли слезы, они скатывались в уши и щекотали их. Я прислушивалась, уверенная, что смогу, если что, быстро унести обратно, под защиту иллюзорных тоннелей, но никакого шума снаружи не раздавалось.

Я понимала, что мужчины ушли другим путем. Граница иллюзии, которую мне показал Келлфер, осталась далеко позади, а об этих коридорах они вообще могли не знать. Эта мысль была захватывающей: они, наконец, не знали, где я. И не найдут меня, если я не вернусь. Даже связанная клятвой, сейчас я принадлежала только самой себе – и сама решала, что мне делать дальше. Этот кусочек контроля над своей жизнью освежил меня и лучиком света пробился сквозь безнадежность моего положения. «Запомни, – сказала я себе строго. – Даже сейчас у тебя есть выбор, и это даже не выбор лягушки в клюве цапли. Например, ты можешь выживать самостоятельно. Или выйти и сдать пар-оольцам. Или выйти и попытаться сбежать, добраться до моря и пуститься вплавь, надеясь, что тебя подберет корабль, на котором никто не будет знать, что тебя судили».

Если бы Дарис увидел меня здесь, он бы разозлился. Я признавала, что моя маленькая, но такая важная для меня вылазка, была откровенно опасной. И все же это точно стоило того: вот этот момент понимания, что я не в каменной трубе, а на перекрестке, и сама решаю, что мне делать. Я никому не позволила бы забрать это у меня.

Мне хотелось бросить ему вызов, но еще больше – доказать себе, что я могу не опираться на мужчин, как на костыли. Они ушли – а я осталась, и я жива и без них, последнее время заменявших мне весь мир.

Я лежала так, пока моя спина не окоченела. Я не знала, сколько утекло времени, но солнце ушло, и теперь я смотрела в земляной свод. Мне стоило вернуться, чтобы мой маленький бунт не стал очевиден, и стоило понять, насколько серьезно настроен Дарис, стоило не давать ему поводов приказать мне оставаться рядом с ним – и убежать, как только я окажусь в Империи. Может быть, стоило попросить Келлфера о защите – тут мое сердце сладко заныло, – но сначала удостовериться, что он на моей стороне. Теперь директор Приюта, наверно, не ненавидел меня: я ведь все исправила. У него не было причин не дать мне уйти.

Я принадлежу себе.

«Если не будет знать, где я – и приказывать не сможет, так ведь? А пока нужно быть послушной и без приказов. Я не способна сыграть влюбленность и никогда не стану этого делать, но быть тихой и предсказуемой могу», – рассуждала я на пути обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.